

Саманта Котляр

ЖЕНА *по договору*

Сашетта Котляр

Жена по договору

«Литнет»

2024

Котляр С.

Жена по договору / С. Котляр — «Литнет», 2024

Я — драконица, а значит, должна выйти замуж по любви, а не по договору. Однако родители велели мне выйти замуж за человека, короля страны, где женщина — что та корова, и ее задача - молчать и рожать наследников. Но он хочет перемен. А я — его шанс не пасть от гнева народа. Все, что должно было нас связывать — деловой союз. Однако, что делать, если я, кажется, влюбилась? Ведь драконы живут тысячи лет. А он — человек. И времени вместе нам отведено совсем немного. История Никласа и его драконочки Найлары. ХЭ. Двухтомник. Вторая часть:

© Котляр С., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Найлара

— Я удушю тебя, братец! — я шипела разъярённой коброй, и вовсе не чувствовала себя драконицей в этот момент. Если бы эта бессовестная сволочь сейчас не сидела в императорском дворце, а высунулась под открытое небо — видят боги, я перекинулась бы и прокусила ему бок!

— Най, ты же понимаешь, что мы должны что-то делать с Соцветием, а это... — обожаемый старший братик был уверенным в себе наследником престола даже сейчас, но я не собиралась его слушать.

— Ты! Посмел! Устроить мой брак! За моей спиной! — я зашвырнула в Релана кресло, но сволочной принц увернулся, и оно разбилось в щепки о каменную стену. Я перевела дыхание. — С человеком! С варваром из дыры, где поклоняются белому слизняку! — в братца полетело второе кресло.

Как раз комплект, чтоб его! И второе тоже не попало, это же Релан... он, конечно же, вновь увернулся.

— Най, да выслушай же ты мен... — снова начал он, и я проморозила камень под его ногами, отчего это недоделанное императорское высочество наконец-то растянулось на полу. Ковры я сожгла и того раньше, и, к моему сожалению, пламя братик легко отразил.

Релан тоже перешёл на шипение:

— Избалованная безмозглая девка, ты можешь выслушать, наконец! — он перелетел к противоположной стене, но я мстительно заморозила пол под ним снова. Братишечка растопил лёд, и в конце концов просто завис в воздухе. Леветирующий дракон, такая нелепица!

— Это ты возомнил себя вершителем судеб, а не я! Я драконица! А не человечка, которую продают, как скот! — мебель в братцевой комнате кончилась, по крайней мере та, которая попадала в моё поле зрения. Но небольшой огненный шар тоже неплохо подходил, чтобы донести свою позицию самовлюблённой заднице по имени Релан.

— Да никто не собирался тебя продавать, Най! Всё, с меня хватит. Раз ты продолжаешь вести себя, как малолетняя истеричка, ты будешь меня слушать! Хочешь ты того или нет!

Я хотела было что-то сказать, но обнаружила, что не могу произнести ни слова. И двинуться тоже не могу. Просто стою и смотрю на дорогого наследничка, и всё, что мне остаётся — это прожигать его взглядом, да искать контрзаклинание против той дряни, которой он меня обездвигил. Да ещё так, что я даже не заметила, как он эти чары сплёл!

— Теперь у меня есть минут пять-десять, пока ты расплетёшь заклинание, и тебе придётся меня выслушать, — тут же успокоился любимый родственничек, и уселся на каменный пол, поджав под себя ноги. — Во-первых, никто тебя никуда не продаёт. Ты моя сестра, и я тебя люблю, Оххрос тебя заberi! Во-вторых, прекрати швыряться предметами, и подумай. Ты сама не далее, как неделю назад отчитывалась отцу о том, что латские шпионы заполонили всё, словно крысы. Ты сама говорила, что разведка не справляется, Най! И это правда, я был там, когда началась эта демонская заварушка с младшим принцем Даланны. Мы знали, что латы что-то затевают, но понятия не имели, что они выращивают своего демонолога! Если бы я знал, я предупредил бы Ника, в конце концов. В конечном счёте, до нас долетают только самые поверхностные новости. А там — гнездо демонов под голубым небом. Этот человек всё ещё не найден, и мне придётся туда вернуться, сестрёнка. Формально я ещё там, если хочешь знать, и использовал теневой портал только ради того, чтобы поговорить с тобой.

Я нащупывала плетение, и, кажется, уловила, за какую нить его нужно тянуть, чтобы распутать. Релан! Только он мог модифицировать чары немоты так, чтобы они парализовали, и не требовали вербального компонента вовсе...

Но самое противное, что дорогой братец говорил очень разумные вещи. Мы, могущественные драконы, умные, одарённые, какие угодно, действительно понятия не имели, как на другом материке развелось столько проблем размером с голову нашего с Реланом прапрадедушки! Разведка доносила одни лоскуты, мешало и расстояние, и большая вода между нами. А то, что творили эти необученные недоумки, могло погубить не только Айэхем, но и весь мир. Империю вместе с ним.

Но это же не значит, что он имел право принимать такие решения за моей спиной! Я ненамного слабее этого серебряного! Я была в паре шагов от того, чтобы самой унаследовать Империю! И теперь он мне заявляет, что они с Никласом решили, будто нам стоит пожениться. С человеком он это обсудил, а с собственной сестрой забыл! Мало того, что я в самой глубокой демонской бездне видала их отвратительные обряды, так я не продержусь среди чопорных даланнцев и недели!

— Да-да, я не сомневаюсь, что ты уже поняла, в чём ключ заклинания, — фыркнул братец. — Но ты ещё и остыла и вышла из состояния, в котором с тобой говорить невозможно. В-третьих, может я, конечно, глупец, но единственный способ разобраться с проблемами на севере, который приходит мне в голову — это послать туда одного из нас. Но я сомневаюсь, что соцветцы примут шпиона, посла, кого угодно. А притворяясь человеком много не навывясняешь, это уже показала наша разведка. Мы ухватываем сам клубок, но теряем его нити, которые расплзаются ядовитыми змеями. А королеву им принять придётся, хотя бы они того или нет. И Никлас хочет всё изменить. Отказаться от ложного безумного бога, начать учить девочек магии и всему остальному. Только знаешь, что будет, если он сделает это без поддержки, Най? Его порвут на лоскуты! Убрать его и Рика уже пытались. Я лично в это влез, поэтому безуспешно. Будет война, в которой латы нагреют руки, и опять вляпаются в магию, с которой неспособны совладать. Кого они призовут следующим? В этот раз на Айэхем чуть не ступил Владыка Кошмаров, и неизвестно, не будет ли второй попытки. А кто дальше? Кровавый Вихрь? Или, может быть, Алая Смерть? Я не сомневаюсь, что по скудоумию можно призвать и что-то пострашнее, чему мы пока не дали названия.

Я расплела треклятое заклинание, встала, и скрестила руки на груди:

— И к чему ты клонишь, братец?! Я должна пожертвовать своей жизнью, потому что разведка не справляется со своими обязанностями, так, что ли?

— Наааай! Да прекрати ты говорить глупости, ты же умнее! — снова взорвался Релан. — Я не предлагаю тебе связать себя с Никласом нейтахенной! Я предлагаю выйти замуж по их обряду. Какой бы он там ни был. Окажется этот принц таким, как его рисует твоё воображение — избавишься от него, будешь вдовствующей королевой, и сама наведёшь в регионе порядок. Окажется порядочным, но не придётся тебе по сердцу — он человек, и уйдёт раньше, чем успеет тебя окончательно достать. И потом ты вернёшься к нам, и выйдешь, за кого хочешь.

— И оставлю там дитя. Великолепная перспектива! Всю жизнь мечтала! — мрачно процедила я.

— Если ты видишь другой способ — предлагай, все карты у тебя на руках. Но даже отец со мной согласился, либо мы вмешаемся — по-настоящему — либо начнут гибнуть драконы. Ты готова рассказывать матерям, что они хоронят детей, едва проживших первую сотню, потому что мы смалодушничали и не поддерживали единственного порядочного даланнца? Лично ты, готова потом принимать беженцев, и загонять обратно всю ту дрянь, которую они по скудоумию выпустят? Или, может, ты хочешь посмотреть, как эльфы вымрут окончательно? У нас есть два варианта: либо мы возьмём человеческие регионы под контроль, либо они погрузят мир в хаос со своей сверхидеей о том, что мы мечтаем превратить их в рабов. Вспомни, что творилось в Империи, пока драконы не взяли всё в свои лапы, и не объединили её! Вспомни в конце концов бывшую империю Хаут, где проблемы взялись решать эльфы. А что было до того? Ты хорошо знаешь историю, Най, лучше моего. Точно хочешь, чтобы она повторилась?

Я закрипела зубами. Самое противное — мне нечем было Релану возразить. Братец бил словами прямоком в уязвимые точки. Я не хотела нашей Империи ни новой магической эпидемии, ни выпущенной демонической заразы, вроде той, что пронеслась тридцать лет назад, и сделала сиротами множество эльфийских детей. И уж тем более мне не хотелось бы, чтобы кто-то из Старших снова попал в мир. Одного из них брат моего так называемого жениха уже едва не позвал, а потом пропал. И вполне возможно, следующая попытка завалит Даланну жертвами...

Но они были там, далеко, в Даланне. Я не знала этих людей с детства, я не отвечала за них. А каждый житель Империи — это ответственность каждого из нас, иначе мы просто не имеем права занимать своё место. Все мы чем-то жертвуем... я, Релан, отец, да и не только они. Каждый член рода. Я только никогда не думала, что мне придётся примерить на себя шкуру знатной человечки. Только... а что, если они дозовутся до высшего истинного демона? До любого из них, названного или ещё нет? Это позвать их легко, а загнать обратно можно лишь кровавой ценой, многократно более высокой, чем цена за призыв. И заниматься этим придётся нам, люди сами не справятся, особенно необразованные соцветцы.

Я с мрачным видом села рядом с любимым братиком. Положила руку на плечо родственничка, погладила по нему. Релан вздрогнул, но не отстранился, то ли ожидая новый виток нашего тёплого семейного общения, то ли смирившись. Но, на самом деле я уже успокоилась. И была склонна признать, что в словах брата есть, к моему сожалению, смысл.

— Ты мог по крайней мере посоветоваться со мной до того, как предложил ему меня, а не после. Это отвратительно, ты знаешь? — с остальным я уже не спорила. Понимала, что Релан меня уже убедил.

— Я не предлагал тебя, Най! Я тебе что, даланнец что ли? — братец скривился. — Я предложил ему защиту Империи, чтобы Даланну на куски не порвали, когда он начнет реформировать эту дыру. Иначе все так называемые союзники покажут своё поганое нутро и ударят в спину, нам ли не знать? А так они будут бояться. Нас. О том, что проще всего это осуществить через брак, мы подумали уже несколько позже.

— И ты сказал, что из меня выйдет прекрасная жена? Или что? — я снова потихоньку начинала злиться.

— Нет, — он встал, потрепал меня по волосам, прошёлся по разгромленным покоем, и опять уселся на холодный камень. — Я сказал, что кроме тебя девиц подходящего возраста у нас нет. Не младших же отправлять, их там сожрут. И что ты пока не выбрала себе никого, с кем хотела бы связать вечность, поэтому шансы, что я тебя уговорю на эту авантюру, довольно высоки.

Я скрипнула зубами. Почти наверняка сейчас моя золотистая чешуя начала украшать человеческое лицо, хотя я её и не чувствовала. Слишком силён был коктейль из злости и злости в моей крови. На Релана, на обстоятельства, и, разумеется, на себя. Потому что братец прав, он уже уговорил меня. Но кто сказал, что от этого авантюра начала мне нравиться?

— Иными словами, ты запланировал это давно. И был уверен, что всё получится, задолго до того, как сказал об этом хоть кому-нибудь. Весь в отца, чтоб тебя, Релан!

Он фыркнул.

— Да, я действительно давно об этом думал. Я почти месяц проторчал в Даланне, пытаюсь понять, что за демонская дрянь там творится, уговорил одну важную для этого государства парочку пройти нейтахенну, выяснил, в конце концов, какая сволочь украла ребёнка у Лейелеринн... в общем, этой дыре нужен кто-то, у кого точно есть мозги и совесть. Иначе мы проблем не оберемся, не пройдет и десятка лет. На кого ещё я могу положиться, кроме как на тебя? Ты — единственная, кто способен навести там порядок.

— Прекращай мне льстить, а то я передумаю. Хорошо! Ладно. Будь по-твоему, Релан. Но ты будешь там, когда я буду проходить их унижительный брачный обряд. Стоять рядом

со мной и выслушивать всё то же, что и я. Потому что иначе я кого-нибудь сожгу прежде, чем официально «приму веру» и стану женой этого твоего Никласа. Когда ты запланировал обнародовать сие прелестное решение официально, дорогой братик?

— Я не стал бы ничего обнародовать без твоего согласия, вообще никогда, — он вздохнул. — Раз ты прислушалась к гласу рассудка в моём чешуйчатом лице, то я предлагаю объявить о помолвке через неделю, а поедешь ты туда, когда мы разберёмся с основной угрозой. Братец Никласа по-прежнему не найден. И я пари держать готов, он вылезет в самый неудачный момент, и мало не покажется никому. Я даже попросил Лантассу держать группу боевых магов наготове.

— Владыка Кошмаров? Его этот недоумок попытается выпустить в мир, да? — я порывисто обняла брата. Каким бы он ни был, а в борьбе с истинным демоном, да ещё и высшим... я никогда не хотела, чтобы с Реланом что-то случилось. Какой бы он ни был, а он мой брат, и я люблю этого бессовестного дракона.

— Думаю, да. И очень подозреваю, что он воспользуется ритуалом, который требует схождения двух лун. Если так... я должен буду совершить один поступок, от которого мне до конца дней будет противно от самого себя. Не первый, но один из многих. Надеюсь... я сделаю всё, чтобы никто в конечном итоге не пострадал необратимо.

Сейчас Релан был серьёзен, и, хотя расклад в Даланне я понимала примерно, без подробностей, всё равно догадывалась, что брат хочет сделать. Выманить тварь и её марионетку. Скорее всего на кого-то, к кому испытывает искреннюю симпатию. И этот кто-то имеет все шансы погибнуть... или дожидаться подкрепление от тётушки Лантассы, если повезёт.

— Удачи, Релан. Просто удачи. Я знаю тебя, если всё пройдёт по твоему плану, никто и никогда не узнает, какая ты у меня манипулятивная сволочь, — шутила, но в этой шутке была наша общая горечь.

— Я тоже тебя люблю, Найлара, — усмехнулся братец. — Боюсь, ты первая сообразишь, кого мне пришлось... кем мне пришлось рискнуть, назовём это так. И скорее всего ещё выскажешь мне всё, что об этом думаешь. Ладно! К сожалению, времени осталось мало, мне нужно возвращаться. Таэрн принесёт тебе все бумаги по Даланне, и некоторые мои личные записи, ознакомься. И напиши Никласу официальное согласие на помолвку.

— Да, матушка, — я фыркнула. — А теперь иди отсюда, раз торопишься. Я отдам распоряжения, чтобы твои покои привели в первозданный вид, так уж и быть.

Релан только закрыл глаза, поднялся на ноги, подхватил меня, и крепко обнял. А потом молча сотворил теневой портал и шагнул в него. У братца даже гримаса боли не мелькнула, так он привык держать лицо в любой ситуации. И этот шёпот... мы все с ним свыклись, и все знали свои сильные и слабые стороны. Знали, чем нас могут развратить и перетянуть во тьму, и умели этому противостоять.

Мне совершенно не хотелось писать это глупое согласие, но проблема в том, что Релан в самом деле был прав. Либо Соцветие возьму под контроль я, либо всё равно возьму — но уже после войны, когда поляжет множество людей, эльфов и драконов. Тех, за кого я в ответе. Этого мы себе позволить не могли. Соцветские церковники заигрались во всемогущество, и ни один коренной даланец или обитатель любой другой страны из этого сомнительного союза не сумеет им противостоять.

У этих людей не было ни чести, ни принципов, ни образования, ни мозгов. И если первые два пункта ещё можно было как-то пережить, то, когда с высшей магией заигрывали недоучки, которые не знают даже базовых законов чароплетения, это обычно заканчивается какой-нибудь симпатичной мировой катастрофой. Род Золотого Древа видел их достаточно, семейные хроники пестрели рассказами о том, что бывает, когда очередной недоучка решает, что может стать богом.

И как потом из-за недоучек весь мир рыдает кровавыми слезами, которые красят реки и моря в алый. Нет, я не могла позволить, чтобы нечто подобное снова случилось. Поэтому не стала откладывать неприятное дело, и вернулась в свои покои. Таэрн Алькарро, разумеется, уже ждал меня на пороге вместе с внушительной стопкой бумаг, за которыми едва виднелась его медная шевелюра.

— О, самая прекрасная и мудрая принцесса рода Золотого Древа! Я скорблю о том, что такой прекрасный цветок вскоре покинет плодородные сады своей роди... — я применила к паршивцу то же заклинание, которым Релан ещё недавно успокаивал меня, и раздражающий медный замолк. Впрочем, я быстро сняла чары: сам бы он ещё долго копался в поисках ключа к ним.

— Прекрати паясничать, Таэрн. Ты отлично знаешь, что меня это раздражает, и всё равно продолжаешь в том же духе. Если все эти бумаги — мне, и твоя роль медного шута исчерпана, то я заберу их у тебя, и можешь быть свободен.

— Это раздражает большинство разумных, в том и прелесть, — усмехнулся единственный выживший потомок рода Алькарро, на миг сбрасывая излюбленную маску. — На самом деле я хотел сказать, что с твоего позволения, предпочёл бы составить тебе компанию. Разумеется, я не могу отсутствовать в Империи больше года, но я чувствую, что мне нужно с тобой. Ты знаешь, такие предчувствия... нам не стоит игнорировать.

Я закатила глаза. Только этого мне не хватало! Медная заноза в моём хвосте... но ответила иначе, разумеется.

— Если ты будешь приносить мне пользу, и не станешь постоянно торчать при даланнском дворе и всех провоцировать — валяй. Но тогда ты будешь подчиняться моим приказам, Таэрн. По-настоящему, а не как у тебя обычно.

— Слушаюсь и повинуюсь, моя принцесса! — он театрально поклонился, умудрившись не уронить ни одного листка бумаги.

Потом, наконец, перестал вызывать у меня ломоту в висках, донёс бумаги до письменного стола, за которым я обычно работала в своих покоях, и убрался из моей части замка. Если что-то и было хорошего в этом драконе — то это была его понятливость. Он хорошо знал, когда стоит проверять чужое терпение на прочность, а когда нет. Чаще всего, правда, единственный и любимый сын тётушки Лантассы полагал, что окружающие переживут его сомнительное чувство юмора, но у каждого из нас свои недостатки. И свои маски, если уж на то пошло.

Письмо. Его следовало написать и отправить прямо сейчас. Официальные каналы связи не предполагали ни соцветских вестников, если только те не несли бумагу в своих призрачных клювиках, ни более удобных способов донести свои мысли до кого-то, на кого нельзя прямо здесь поорать. Только официальные письма. Кто бы знал, как я ненавижу официальные письма!

Приличия ради, и немножечко любопытства, заглянула всё же в официальное письмо от Никласа, моего будущего супруга. Даже звучит отвратительно... но хоть и так, а почерк у него оказался разборчивым и вполне красивым. Множество прелестных завитушек, ни одна из которых, впрочем, не мешала пониманию написанного.

Прекраснейшая из женицин, сиятельная дайнеке Найлареннира Одалика Илларио Моралес, душа и сердце Империи Золотого Древа, и всего рода Моралес!

С дозволения вашего брата Реллиниана Экканто Моралеса Илларио и своего совета, я обращаюсь к вам, принося эти дары. Я пленён вашей красотой, потрясён умом и образованностью, и хочу, чтобы вы обратили свой сиятельный взор на Даланну. Место моей королевы свободно, и я могу предложить его только лучшей, самой достойной и прекрасной женицине. Я верю, что вы понимаете: ни о ком другом, кроме вас, я не могу говорить.

Это письмо и дары, принесенные с ним, я прошу считать официальным прошением о заключении помолвки между нами в срок, допустимый для обоих наших народов. Я верю, что вы примете моё предложение, и желаю этого всем сердцем.

С нетерпением желающий вашего положительного ответа, наследник трона Даланны, чья коронация уже назначена. Никлас Алгайский.

P.S. Я был против того, чтобы писать вам этот вульгарный текст, Ваше Высочество, Найлара. Но я почти уверен, что мой распорядитель всё равно подменит им настоящее письмо. Поэтому я уже его уволил к тому моменту, как вы это читаете. И поэтому зачаровал приписку. Если вам передал бумаги брат или кто-то из его слуг, вам нужен зелёный конверт. Там более... пристойная версия моего обращения к вам.

Я рассмеялась. Чешуя Оххроса, да у них же даже в сущих мелочах вроде этих глупых писем — настоящий бедлам! Как я должна там жить, и, что куда хуже, с этим работать? Как?! Впрочем, любопытство победило, и я действительно нашла конверт из красивой яркой изумрудно-зелёной бумаги. Стоило мне коснуться печати Никласа, как она истаяла, и белые буквы заплескались перед глазами.

Они были далеко не столь аккуратны, но это письмо даже показалось мне милым. Показалось бы, если бы не тот факт, что Его Высочество-Величество всё равно заключил помолвку через Релана. И был даланнцем до мозга костей.

Когда-то давно я увидел вас на приёме, будучи неразумным юнцом. Это была большая редкость для нашего рода — чтобы международное мероприятие затронуло не только Соцветие, но и всех значимых игроков, включая Алга. И я запомнил вас на всю оставшуюся жизнь. Такую яркую, неприступную, живую и гордую. А теперь юношеская мечта сбылась, и я в самом деле предлагаю вам брак.

К сожалению, моя корона давит на виски, и потому причины этого предложения сугубо прозаические, о чём вы и так знаете. Я не хочу лгать вам. Но также я не хочу, чтобы вы решили, будто мой интерес основан лишь на корысти. Нет, вы и вправду прекрасная мечта, Найлара, как бы на ваш драконий слух это ни звучало сомнительно. Я надеюсь, мы сумеем построить на необходимости нечто действительно ценное. Станьте моей женой, и я сделаю всё, чтобы вы об этом не пожалели. Станьте той, кто поможет навести порядок.

Я верю, что мы с вами способны на это. С глубочайшим восхищением, Никлас.

На кого рассчитана эта сентиментальная чушь? На девочку, которая едва прожила свою первую сотню? Я знаю, зачем тебе эта свадьба, даланнец. А ты знаешь, зачем она мне. На этом, пожалуй, и остановимся. Я сказала бы ему это лично, но сейчас такой возможности не было. Но я понимала, что просто мне не будет.

Глава 2

Никлас

Больше всего в своём положении Никлас ненавидел две вещи: постоянную ложь, и то, что он вечно должен был сидеть сложа руки, по уши зарывшись в чужие слова. Будущим королям не пристало лично совать голову в петлю, поэтому они должны ждать. Ждать Никлас ненавидел тоже, особенно когда кто-то другой рискует жизнью, и эта жизнь ему небезразлична.

Но вместо того, чтобы отправиться вместе с любезно предоставленным Реланом и Лантассой отрядом магов вытаскивать друга, он должен был заниматься бессмысленным бумагомарательством. Ладно, это было нужное бумагомарательство, но слоги не складывались в слова, а слова — в предложения, когда на сердце было настолько неспокойно.

Ко всему прочему, вестник ярко-фиолетового цвета и удивительных размеров принёс в клюве письмо от Найлары, и открывать его не хотелось совершенно. Ник догадывался, что о нём думает невеста, и не ожидал ничего хорошего от строк, написанных её рукой. Как будто этого было мало, в дверь кабинета раздался стук, и очередной «распорядитель», а на самом деле обыкновенный секретарь, робко приоткрыл дверь. Седьмой за месяц, может, хоть этот будет выполнять свои обязанности как должно?

— Ваше Высочество, разрешите побеспокоить? К вам прибыл мужчина, который представился Реланом. Мне пропустить его?

Ник мысленно фыркнул. Сколько там дней ему оставалось высочествовать? После всего, что с отцом творила несколько лет покойная Аннушка, на роль правителя государства он не годился. Яд разъедает разум... И, к счастью, король пришёл в себя достаточно, чтобы осознать эту печальную истину. Дата отречения назначена, хотя, разумеется, не объявлена пока официально. И дата его коронации тоже...

Но вслух сказал другое:

— Этот посетитель входит в список тех, кого ты можешь пропускать без согласования. Запомни его в лицо, и впредь просто объявляй о его приходе. Если мне будет неудобно с ним говорить, я сам предупрежу.

Релан и его анонимность... формально императорский наследник должен был торчать вместе со своими драконами, теми, что не отправились на борьбу с демоном, призванным дорогим братишкой. Но вместо этого он ходил, где вздумается, и изображал простого наёмника. Правда, неизменно с пользой для Империи. Вот кто вообще сомневался в том, для чего Моралесам нужен его брак с их дочерью? Контроль. Драконы окончательно перестали доверять людям, и хотели сами проконтролировать, чтобы те не увязли по уши, утянув за собой и остальной мир.

Самое раздражающее, что Ник своим сородичам и сам совершенно не доверял. Людская глупость, жадность и алчность, особенно латская, были постоянным источником проблем. Как и сама вера в Светлейшего. Если уж на то пошло, дело в основном в ней, а глупых, алчных и жадных особей хватает среди любого разумного народа.

Никлас потёр виски, отгоняя головную боль, и с удивлением обнаружил, что молчаливый секретарь уже оставил его, а Релан — явился и прикрыл за собой дверь. Выглядел принц-наёмник несколько бледным, а под глазами у него залегли тёмные круги, но, как и сам Ник, коллега по королевскому ремеслу не мог обращать внимание на такие мелочи, как банальная усталость. А имя секретаря в этот раз придётся запомнить. Он наконец нашёл на эту должность кого-то толкового.

— Я поговорил с Най, — начал будущий родственник сразу с дела. — Сестрица была в ярости, но остыла, подумала, и согласилась. Так что... я думаю, что помолвку мы заключим

заочно, а свадьбу назначим через два месяца, после твоей коронации. Пусть всё будет красиво. Возражения?

Никлас вздохнул. Неужели он с другими людьми тоже общается в этом тоне, и давит одним своим присутствием? Почти наверняка, раз уж его приказы выполняются, и даже чаще всего с первого раза. Впрочем, это всё не имело значения. Ответил он всё равно так, как считал нужным:

— Никаких, мы обо всём уже договорились. Хотя я, разумеется, послал твоей сестре официальное письмо. А ещё уволил очередного распорядителя, потому что он заменил мою бумагу на свою чушь. Ну да ладно, это мелочь. Насколько всё плохо? Только честно, раз уж ты явился в своей полутайной ипостаси наёмника, а не во всём блеске и великолепии серебряной чешуи.

— Ну, сестрица от тебя не в восторге, как и от Даланны в целом. Но она готова работать. А ещё к её окончательному переезду тебе придётся выполнить список требований. Полагаю, её вестник уже должен был тебя настигнуть. Это зачарованная стопка бумаг. Её официальный ответ, её настоящий ответ, и список того, что ты должен ей обеспечить до того, как она станет твоей женой.

— Твою сестру не смущает, что мы даже не знакомы толком? — виски продолжали ныть ещё сильнее, и Никлас старался никак это не показывать. Но от головной боли перед глазами плясали мушки, и поэтому самоконтроль давался с трудом.

— Разумеется, смущает. С точки зрения любого нормального дракона при ваших с ней вводных никакого брака быть не может. Но мы пошли навстречу в этом вопросе, а тебе придётся пойти навстречу в том, чтобы у неё было всё, чего она вписала в тот список. Ладно. В любой момент меня может вызвать Лантасса, если ей покажется, что она не справляется с вашей тварью. Пожалуй, я не буду ждать этого славного мига. Высшие демоны... непредсказуемы.

— Ты наследник Империи, разве ты можешь так рисковать? — это всё головная боль, если бы не она, Ник не стал бы задавать Релану столь личных вопросов. В каком-то смысле они были друзьями, это правда, но... лишь до тех пор, пока интересы Даланны и Империи совпадают.

— Именно потому, что я — наследник Империи, я обязан рисковать, — тонко улыбнулся Релан. — Разумеется лишь в тех случаях, когда это необходимо.

Почти дружеские отношения давали Релану некоторые преимущества, так что теневой портал он активировал, не прощаясь. Но перед этим обдал Никласа волной целительной магии, забирая с собой головную боль, и сказал:

— Я позволил Рэю и Коринне стать приманкой для демона. Поэтому — я должен быть там. Они рискуют по моей вине, моя ответственность — вытащить их.

Сказать на это Ник ничего не успел. Он подозревал, что без странной магии золотодревных драконов не обошлось, но никак не ожидал, что Релан эти подозрения так просто подтвердит. Впрочем, несмотря на краткую вспышку злости, осуждать драконьего принца не получалось. Благодаря этому поступку, Владыка Кошмаров не ступил в мир в полной силе. Будь у Ника возможность поступить также, он сделал бы это. Жизнь одного — ничто на фоне жизней детей, женщин, и даже тех, кто ещё не родился.

Почему-то он подозревал, что даэ Коринна тоже поняла бы мотивы Релана, и его собственные. И даже Рэй... ударил бы кулаком в лицо, но в конечном счёте принял бы и понял. И всё же, Никлас осознал, что в интересах обеих стран эти признания лучше держать при себе. Брат Найлары поступил опрометчиво, даже рассказав ему, пусть и в неофициальном разговоре. Но эта потребность поделиться была такой понятной...

Ты отправляешь друга в портал, как-то связанный с демонической магией, чтобы демон счёл это приглашением, и утянул его к себе, выдав своё местоположение. И не говоришь ему

об этом. И ты знаешь, что, либо поступишь так, либо тварь вырвется и начнёт уничтожать города и страны целиком, потому что такова её природа. Не мог же Стефан не припасти другой жертвы. Брат был кем угодно, но только не дураком.

Всякий раз, когда Никлас задумывался о том, во что превратился когда-то горячо любимый братишка, виски и сердце пронзала боль. Он был старшим, он должен был хотя бы попросить помочь Стефу. А теперь... теперь брата ждала одна участь, и у Никласа не повернулся бы язык вынести иной приговор, даже если черно книжника взяли бы живым.

Он чувствовал себя так, словно брат умер у него на руках. Не сейчас, не в тот момент, когда призвал Владыку Кошмаров, или даже когда начал планировать убрать его и отца. Раньше, много раньше. Только Никлас никогда не позволял себе об этом думать и вспоминать. Сейчас не время. Никогда не время — верно? У него всегда много дел, и всегда есть, чем заняться. Слезами горю не поможешь, да и не пристало почти королю рыдать, как брошенной перед храмом Светлейшего невесте.

Никлас привычно подавил желание утонуть в горе, и взял стопку писем от Найлары. Скорее всего, драконица его презирала и считала варваром. И вряд ли Релан мог её переубедить — Най знала, как в Даланне относятся к женщинам, и сам этот нюанс был приговором для её короля. Поэтому он должен придумать, как пересилить неприязнь женщины, которая должна стать его союзницей в борьбе против всего того, что ей так сильно здесь не нравится.

От одной мысли об этом головная боль, которую прогнал было Релан, начинала возвращаться, но даже это было намного лучше, чем вспоминать Стефана-из-прошлого. Брата, каким он был в те далёкие годы, когда они были семьёй вопреки всему, даже короне на голове отца. Так что Никлас через силу улыбнулся — не кому-то, а скорее ради того, чтобы заставить себя поверить в отсутствие боли. И вчитался в почерк драконицы. Начал, конечно же, с официального письма:

Ваше Высочество, Никлас Олдарик Стефан Ингвар Ормарр, наследник Даланнского престола и титула Хранителя Венца!

Помня о договоренностях между Империей и Даланной, я принимаю ваше предложение. Я согласна стать вашей женой. Я знаю, что для даланцев так же важны согласия отца и брата — поэтому их подписи тоже стоят под этим документом. Так же я обязуюсь принять веру в Светлейшего и пройти брачный обряд по даланским законам, как и было оговорено. Даты помолвки и свадьбы вам отдельно пришлёт моя распорядительница.

С благодарностью, ваша будущая супруга, сиятельная дайнеке Найлареннира Одалика Илларио Моралес.

Никлас усмехнулся себе под нос, даже почти искренне. Ну конечно. Драконица не поверила ни единому слову из его собственного неофициального письма, и подчеркнула, что между ними будут строго деловые отношения, вызванные необходимостью. Ник помнил, какая трепетная любовь была между родителями до того, как...

Помнил, и не хотел такого брака, как у них сейчас. Зато хотел такого, каким он был тогда, в счастливом, несмотря на бесконечную учёбу и обязанности, детстве. Отец ведь до сих пор любил её. Даже когда начал приходить в себя, узнал в первую очередь маму, и только потом старшего сына. Как он искал Стефана, пока целители не привели его мозги в порядок, насколько это вообще возможно, не хотелось даже вспоминать. Эта память травила его ядом и жгла руки и душу куда больше, чем холодность Найлары.

И всё же, ему нужен кто-то, на кого он сможет положиться. Не затаившийся враг, и не равнодушный союзник, который просто отойдёт в сторону, стоит Никласу оступиться. Ему нужно было каким-то образом завоевать хотя бы доверие и уважение Найлары. Но он читал эти строки, и понимал, насколько это будет непросто. Впрочем, было же и неофициальное письмо, верно? Его Никлас тоже решил просмотреть прямо сейчас.

К чему рубить крыло дракону по частям, если он никогда не будет летать... с такой невестой драконьи пословицы лезли в голову сами собой, хотя, в отличие от Рэя, Никлас провёл в Империи не так уж и много времени. К тому же, тайно, и под протекторатом самого Императора. Найлары тогда в столице не было, у неё была дипломатическая миссия в Малъек'Наре. Что от неё хотели пустынные, Ник не имел ни малейшего представления, он был в Империи лишь гостем, но увидаться тогда им не довелось.

Зато довелось позже. Иронично, что даэ Геллерхольц была влюблена в своего супруга с детства, а в их паре с драконицей так же глупо вляпался сам Никлас. Он усмехнулся собственным мыслям. К чему врать самому себе? Никакого смысла. Как и в том, чтобы продолжать стоять рядом с письмом, как блаженный, и протягивать к нему слегка подрагивающую руку. Принц встряхнул головой и заставил себя взять в руки послание драконицы.

Ваше Высочество, Никлас Олдарики Стефан Ингвар Ормарр, наследник Даланнского престола и титула Хранителя Венца!

Я сочла неправильным прикладывать свои условия проживания к официальному согласию на помолвку и последующую свадьбу. Однако, я, если вы не забыли — драконица. И мне жизненно необходимы простор и возможность время от времени разминать крылья. Одно из моих требований — будущий супруг не должен бояться моего истинного облика. Так что, если вы не желаете отменить сие мероприятие немедленно, вам придётся познакомиться с моей второй ипостасью до свадьбы. Это требование не вполне материальное, но самое важное.

Что же до остального, Никлас, не нужно говорить мне красивых слов. Я знаю, что Даланне нужно крыло драконов Империи. А вы знаете, что происходящее нынче с вашим родственником — неприемлемо. Магическая ошибка такого уровня способна поставить под угрозу не только вашу страну, но и весь материк. А если очень сильно не повезёт, то и не только ваш материк.

Поэтому, мы вынуждены вмешаться, нарушив тысячелетние драконьи традиции ради того, чтобы сберечь множество жизней. Этот союз нужен и мне, и вам, это правда. Так давайте же будем друг с другом честны и прямолинейны, это пойдёт на пользу нам обоим.

Впрочем, всё вышесказанное никак не отменяет того факта, что я всё ещё драконица. Поэтому, будьте любезны, просмотрите приложения 2, 4 и 11 к этому письму. Там находятся те требования материального характера, которые вы обязаны выполнить до того, как я перемещусь в Даланну. Всё остальное можно будет организовать и потом, и даже обсудить, но на этих трёх страницах принципиальные моменты нашего с вами долгосрочного сотрудничества.

С благодарностью, ваша будущая супруга, сиятельная дайнеке Найлареннира Одалика Илларио Моралес.

Никлас вздохнул. Да, ровно то, чего он и боялся. Подчёркнуто-официальный тон письма, попытки проверить его на прочность, и множество требований, которые обязательно нужно выполнить. Найлара была прекрасна. Но он чувствовал, что от этой вражды устал уже до её начала. Где бы взять не врага, а друга? Такого, которым не придётся рисковать вслепую, и которому можно будет доверять? Впрочем, как обычно, не время для сентиментальности.

Он быстро просмотрел требования невесты, пришёл к выводу, что они вполне закономерны — драконице действительно нужны и простор, и возможность размять крылья, и подготовленные к этому подданные. Последний пункт был самым сложным, хотя бы потому, что полноты власти при Никласе пока ещё не было. И он не может провести коронацию, пока не выяснит, что там творится с Рэйнером и Коринной.

Ник эгоистично надеялся, что оба останутся живы, и, хотя бы относительно здоровы, то есть, излечимы. Он уже привык и к сильной юной супруге Рэйнера, и к тому, что порой может хоть с кем-то просто поговорить, и не держать при этом в уме возможную выгоду собеседника. К тому же, если эти двое погибнут, ему будет слишком сложно выдержать всё то, что на него

навалилось. Но... нет, не должны. На эту операцию отправилось с Лантассой вместе такое количество боевых магов, что можно при желании снести Даланну с лица Айехема.

Не то, чтобы они планировали что-то подобное, конечно, но должны же все эти маги справиться с одной тварью не в полной силе? Чезаре, Релан, Лантасса и её драконы, Лейлелеринн — для небольшой в общем-то Даланны такого количества обученных и могущественных обычно много. Но сейчас... как бы их ни оказалось недостаточно. Тогда смерть друга окажется пусть самой горькой, но — наименьшей из его проблем.

Никлас покачал головой. Отсрочка кончилась. Дальше нужно выходить к Совету Соцветия, и очень-очень много говорить. Распоряжения насчет пожеланий Найлары он отдал быстро, а потом послал вестника Альвхильду. Его Королевское Величество Рагтердское милостиво дозволило организовать заседание Совета тогда, когда Никласу будет удобно на него прийти. Проблема в том, что это было срочное заседание. Так что сразу после получения вестника, Ник должен будет шагнуть в портал в Рагтерд.

Конечно, этот конкретный портал не нужно было создавать. Для быстрого перемещения между столицами у монархов по-прежнему существовали порталные комнаты, как до расцвета Церкви Светлейшего, и отказываться от этого маленького «греха» почему-то не спешили даже самые истовые верующие. Кому охота трястись в карете неделю, не меньше, когда можно просто совершить один шаг — и вот ты уже высказываешь соседу, что его крестьяне угнали у твоих десятков коров, и пора бы уже это прекратить.

С коровами Никлас, конечно, безбожно преувеличивал абсурдность поводов для заседаний, и осознавал это. Но, к сожалению, в этот раз соцветские короли собирались из-за него. И из-за отречения отца. А ещё он откладывал это в высшей степени мерзкое мероприятие как мог, но дальше откладывать было нельзя. Никлас снова поймал себя на желании потерять виски, или отвлечься на что-нибудь, но подавил его, и быстро набросал краткое официальное послание.

— Лети, птичка, — шепнул он ярко-синей пернатой пичуге, которую сотворила его магия. Вестники не были разумными, и даже не обязательно были птицами, но почему-то звук собственного чуть хрипловатого голоса успокаивал. Всё, что угодно — только не думать, получилось ли у магического отряда победить тварь. Его задача иная: отстоять себя и Даланну перед стариками, возмнившими себя умнейшими.

Несколько более мелких вестников Никлас отправил за охраной, положенной ему по статусу, а также секретарём и слугами. Конечно, в зале заседаний никто не мог пролить кровь: для верующих в Светлейшего он был освящён служителями бело-золотого бога, а для всех остальных — зачарован одним из предков Альвхильда. Никлас читал о нём, и знал, что это был артефактор с очень злым чувством юмора и безо всякого чувства меры.

Если учесть, что трон оному артефактору пришлось возвращать военным путём, ничего удивительного в этом не было. Никлас жалел, что он сам так не может, просто создать немного интересных безделушек, которые заткнут рты всем, кому следует их заткнуть. Но пока Ник мог лишь полагаться на старую магию, когда ступал в портал, ведущий в зал мраморных колонн и высоких потолков, где у каждого из присутствующих был свой собственный трон. А вокруг трона — слуги, охрана, и Оххрос знает, кто ещё...

Его, конечно, уже ждали. Совет был в сборе, так что Никлас улыбнулся им легкой ироничной улыбкой и произнёс:

— Главный гость сегодняшнего заседания совета прибыл, Ваши Величества. Мы можем начинать заседание!

Он, разумеется, нарушил протокол. Но из реакции на эту маленькую вольность можно было сделать множество интереснейших выводов...

Глава 3

Найлара

Парадокс моей жизни заключался в том, что даже перед совершенно отвратительным замужеством я не могла просто взять и уехать. На мне было слишком много всего завязано, и в данный конкретный момент это... раздражало. Больше всего на свете мне не нравилось думать, кому и как теперь передавать дела. Особенно если учесть, что Таэрн вбил себе в голову восхитительную идею совместного путешествия.

Хотя он и вызывал желание его стукнуть, полезность младшего Алькарро была неоспоримой, как и его ум. Это, правда, иногда само по себе служило поводом для очередной колкости в его адрес. Чаще всего мысленной. Но среди чужаков Таэрн должен был стать моим союзником, хотя бы потому что верность императорской семье была для него самой жизнью.

Если бы не мама, Лантасса не смогла бы отомстить за свою семью. При всех её несомненных талантах во множестве областей. А такое не забывается и через тысячи лет, не то, что через сотни. Проблема в том, что здесь медный был бы ещё полезнее, чем там. Да и тётушка тоже, но она и так торчит на севере Оххрос знает, сколько времени, и даже почти не связывается ни с кем в Империи. Кроме сына.

Но с ней всё понятно. Тётушке просто скучно, её лекарские способности в таком объёме в Империи не нужны, к тому же, её боятся и уважают. А у варваров что? Они даже не понимают, кто такая Лантасса Алькарро, и с кем они вообще говорят, насколько это легендарная личность. Поэтому она может посвятить себя подлинному призванию, и заодно спасти чью-нибудь жизнь. А сын её что там забыл? Не матушку же, в самом деле, этим двоим общаться не мешают никакие расстояния...

От многочисленных бумаг и распоряжений уже, казалось, болели глаза, так что на Таэрна я просто отвлекалась. Тем более, что он возомнил себя моим секретарём, и кроме писем от Релана насчёт состояния Даланны в целом, начал таскать и множество другой срочной корреспонденции. Что-то я перенаправила по назначению, но в большинстве случаев приходилось вникать и связываться с кем-нибудь, чтобы задачей занялись. Разведка... в каком-то смысле она будет подчиняться мне, в какой бы точке мира я ни находилась, но оперативной работой и координированием придётся заниматься Акорису, как бы он это ни ненавидел. Дракона лучше у меня сейчас нет, а доучивать молодняк нет времени. Всё треклятая свадьба, чтоб ей было пусто...

Наконец, с бумажной волокитой было покончено. Запястье болело, и нестерпимо хотелось размять крылья, но поскольку мне нужно было поговорить с матушкой, а не с отцом, приходилось держать чешую при себе. Хотя она то и дело пробиралась на лицо, пытаюсь закончить превращение против моей воли. Слишком устала. Слишком меня раздражала даже не столько сама идея Релана, сколько...

Я действительно не могла предложить альтернативу! С учётом менталитета северян вообще и Соцветия в частности, с учётом подрывной деятельности пустоголовых мужиков в бесформенных балахонах, и того, что пустить нас готовы только в Даланну, кроме свадьбы надёжного способа успокоить этот регион нет. Да и свадьба, в общем-то, лишь инструмент, а когда я прилечу туда, работы будет столько, что вся бумажная волокита в стенах родного дома покажется материнскими объятиями.

Очень грустно злиться на кого-то очень любимого, например, на старшего братика. Но того печальнее, когда эта сволочь ещё и права. А у нас был именно этот случай. Снова вздохнула, сверилась с расписанием матери — у неё не должно было быть в это время никаких посетителей, и послала ей краткий сигнал. В ответ пришло, что она свободна и ждёт меня в своих

покоях. Маме никогда не нужно было объяснять, что у меня случилось, и зачем мне нужно её участие и добрый совет.

Можно было прогуляться по замку, но я шагнула в кабинетный портал, задав координаты нужных комнат. Устала. Нет ни времени, ни сил, ни желания любоваться каменными лестницами и ходить по ним лишний раз. А летать по замку мне нравилось только в детстве, хотя он, конечно же, позволяет это в определенных пределах. В каждом покоях знатного дракона всегда есть место для обеих его ипостасей, так что в отличие от Даланны, у нас не бывает низких потолков. А мне придётся ведь как-то свыкнуться с отсутствием простора...

Пришла в голову смешная мысль: а вдруг этот Никлас боится высоты? Тогда он точно не сможет пролететь на моей спине над своим замком, и даже эта малость мне будет недоступна... но, к счастью, матушка уже сидела за своим любимым столом-деревцем, и изящно отпивала кефраш из крохотной чашечки. Стол она вырастила сама, когда только вышла за отца...

— Ты знала?! — не получилось не пустить в голос терзавшее душу возмущение, но матушка, как всегда, лишь спокойно и ласково улыбнулась.

— Присаживайся, Одалика, — она кивнула на уютные подушки напротив себя. Когда-нибудь она перестанет меня так называть... впрочем, нет, это матушка, она не перестанет.

Я честно села, хотя от нетерпения тут же принялась дергать ногой. Совершенно неподобающее поведение для принцессы императорского рода... по мнению людей. Мы, драконы, никогда не забывали, что и наши правители тоже живые, и у них все те же недостатки, что и у прочих смертных.

— Ты не ответила на вопрос! — с мамой я и сама себе напоминала восьмидесятилетнего ребёнка, но она только понимающе улыбалась.

— К чему отвечать на вопросы, ответы на которые ты знаешь, Одалика? — логично заметила она. — Да, Релан, разумеется, спрашивал нас с отцом, разумная ли это идея, прежде чем пользоваться ею. Я ответила — решение должна принимать ты. Ты его приняла, дорогая, ещё до того, как вошла в эту дверь. Так почему же ты чувствуешь возмущение? Ты надеялась, что мы с отцом будем тебя отговаривать? Или хотела, чтобы за тебя решение всё-таки приняли — но другое, более приятное?

Мама умела задавать такие вопросы, на которые сами собой возникали в голове очень неприятные ответы. Ну, ещё бы. За её спиной был и огромный эльфийский опыт, и невероятный пласт пережитого. Да и просто моя мама была умной и мудрой женщиной. Но иногда именно за это её хотелось чем-нибудь больно стукнуть.

Я зачем-то встала, снова уселась, а мама всё так же смотрела на меня со спокойной полуулыбкой на губах, и ждала, пока я соберусь. Характером я пошла не в неё, а в отца, так что мне умения быть невозмутимой совсем не досталось. Когда у дракона оба родителя были драконами, он мог выбрать себе любую внешность для второй ипостаси. Те же, кто, как мы, были по сути полукровками с какой-нибудь другой расой, были сильнее, но внешность чаще всего наследовали от родителя не-дракона. Поэтому длинная каштановая грива у нас с мамой была совершенно одинаковая, да и черты лица очень похожи. А вот характер... с этим мне не повезло.

Наконец, я собралась с мыслями:

— Мама, я просто не хочу туда. Я не сомневаюсь, что все люди, как и другие разумные — разные. Но это Соцветие. Это гнездо врагов. Каким бы там ни был этот Никлас, всё остальное вокруг него... я... — даже замялась, от осознания. — Мне страшно, мама. У меня за спиной всегда были вы с отцом, да и Релан тоже, и, чтобы ни случилось, я была среди тех, кому не безразлична. А там... врагов не станет меньше, скорее наоборот, но кругом и вся среда будет враждебна. Я... мне кажется, я не справлюсь.

Вот так просто. Стоило увидеть спокойное понимающее лицо женщины, которой я восхищалась, и на которую хотела бы быть похожей, и вся тревога сама вырвалась наружу, требуя внимания. Мама покачала головой:

— Милая, где бы ты ни находилась, ты остаешься моей дочерью. И моей, и отца. И ты всегда сможешь попросить у нас совета и помощи, в конце концов, ты — очень сильная волшебница, сильнее даже, чем я была в твои годы. Ты в любой момент можешь позвать нас — и мы ответим. К тому же, тебе давно тесно в подчиненной роли. Ты сама должна руководить, и не только разведкой, чем-то более глобальным. Тебе давно не хватает возможности проявить себя и сделать что-то настолько значимое, насколько ты сильна. В Даланне это более чем возможно. Здесь же — с любой напастью сумеем справиться все мы, да и кроме правящего рода в Империи довольно сильных магов. А тебе нужен вызов, потому что без вызова ты дуреешь и теряешь способность радоваться жизни.

Я покачала головой:

— Ты думаешь, дома у нас недостаточно проблем, чтобы я чувствовала себя востребованной? Так что ли, мама?

Она рассмеялась и изящно отпила кефраша из маленькой фарфоровой чашечки. Густой черный напиток умопомрачительно пах, но никогда не нравился мне на вкус — слишком уж он сильно горчил. Где-то его разбавляют молоком и добавляют мёд или сладкий нектар, но матушка всегда пила его как пустынный. Меня учила так же, но я терпеть не могла этот вкус.

— Я думаю, что тебе нужна возможность решать проблемы самой. К тому же, Релан прав, этот регион нуждается в мудром контроле. И я подозреваю, что там всё ещё более... непросто, чем мы видим из Империи. А ещё твоему брату кажется, что этот человек может запасть тебе в душу. А мне, как матери, хотелось бы, чтобы твою душу кто-то тронул. Ты очень закрыта от простых смертных, милая, у тебя есть только семья — но нет ни подруг, ни самой слабой искры влюблённости. Это грустно, если хочешь знать моё мнение.

Я только вздохнула. Мне даже двухсот не исполнилось, а матушка всё равно считала, что я не успеваю жить, а успеваю только работать. Это был не первый разговор о том, как мне не хватает друзей, и как я совершенно не привязываюсь к любовникам. Но я-то такой нехватки ничуть не ощущала! У меня всё было, что мне нужно. Было, до тех пор, пока...

— В конце концов, ты можешь воспринимать поездку в Даланну как длительную дипломатическую миссию. И сможешь вернуться позже, немного повзрослев, и обретя свою внутреннюю опору. Мне в твои годы очень пошло это на пользу, знаешь?

— Ваш брак не был династическим и не был заключен из соображений чьей-либо выгоды, — проворчала я, снова поднимаясь. Матушкины покои дышали природой, и порой мне казалось, что я не в родном замке, а внутри какого-то огромного дерева.

— Ты многого не знаешь о том, как всё начиналось, дорогая. В те времена твой отец считал, что он может взять себе наложницу, а женится на той, с кем захочет связать себя нейтахенной. И я ненавидела эти каменные стены, и мечтала их уничтожить... — почему-то это прозвучало с мечтательной ностальгией. — Но оказалось, моя матушка, твоя, к сожалению, покойная бабушка, знала нас обоих лучше, чем я знала саму себя. Твой отец чуть не потерял меня — и выбросил из головы все те глупости, которыми успел её забить. С тех пор мы — едины, и в то же время каждый остаётся собой. Это самое ценное, что есть в браке. Ты каждый день смотришь на мир не только собственными глазами, но и через призму мировосприятия супруга, и тем самым обогащаешь каждый прожитый день.

— Дай угадаю, подробно ты расскажешь, когда я «повзрослею»? — это тоже был не первый раз, когда мама слегка намекала о том, что было в её прошлом, но оставляла истории на потом.

— Конечно, — она улыбнулась. — Но, как бы то ни было, я всегда на твоей стороне. Кроме того, ты можешь взять с собой тех, кого считаешь нужным. В рамках разумного, но

это ты и так знаешь. Одной из наследниц Империи в любом случае положена свита. Так что ты будешь в Даланне не одна. К тому же, я не сомневаюсь, ты и там найдёшь себе достойных доверия компаньонов или компаньенок, особенно если не позволишь себе скатиться в предвзятость.

Я вспомнила, о чём хотела спросить матушку.

— Это правда, что Лейслеринн осталась там, в Даланне?

— Да, это правда, — она грустно вздохнула. — Во-первых, нашлась её дочь. А во-вторых, когда я последний раз связывалась с Лейе, она была очень встревожена и просила не мешать. Не знаю, что у неё стряслось, но я давно не чувствовала от неё настолько сильных эмоций. Я думаю, тебе будет проще спросить у неё самой. Лейе всегда рада тебя видеть, ты же знаешь. Так что ты не будешь там совсем уж без знакомых лиц.

— Спасибо, мама. Ты... ты как всегда помогла мне принять решение.

Она только улыбнулась и кивнула, как за матушкой всегда и водилось. Мы поговорили ещё немного — о политике, о разведке, о мелочах, которые мне всегда нравилось с нею обсуждать. А затем я навестила и крепко обняла отца, и уже после этого окончательно смирилась. Я уезжаю. Это надолго. И теперь у меня в самом деле начинается совершенно иная жизнь.

Разумеется, дела успели отнять у меня ещё почти три недели, прежде чем наша делегация официально выдвинулась в Даланну. И это не считая сборы... Я решила, что с самого начала не буду притворяться кем-то другим, и взяла с собой два десятка верных драконов, включая, конечно, Таэрна. Переправку всех моих вещей порталом должна была организовать матушка, а на мою свадьбу мы летели клином драконов.

Даже океан в этот раз решили перелететь, а не шагнуть в портал, как это случалось обычно. Мне хотелось размять крылья перед заточением в Даланне, к тому же, давние традиции следовало соблюдать. Лишь тот дракон готов вступить в любую форму брака, который способен на собственных крыльях перелететь океан, и неважно, мужчина это или женщина.

Но с самого начала в этом простом деле всё пошло наперекосяк. Обычно в таких полётах не возбранялось отдыхать на кораблях моряков, которые везли грузы из Империи на острова, неважно, на какие именно. Да и через океан, в ту же сторону, что и мы, многие тоже везли свои товары. И по пути молодой дракон всегда встречал хотя бы десяток капитанов, которые готовы принять уставшего крылатого.

Мы же столкнулись с тем, что на горизонте не было ни одного подходящего судна. Словно им всем запретили выходить в море именно в те дни, когда я направила свои крылья в Даланну. Нет, мы специально летели вдали от самых оживлённых торговых путей, но это же не значит, что нас должны были избегать!

И это бы ладно, я брала с собой выносливых боевых драконов, а не тех, кто только вылетел из-под мамочкиного крыла. Да и сама могла без отдыха передвигаться несколько дней, и в совершенстве владела навыком сна в воздухе, качаясь на воздушных потоках самой стихии. Но на этом странности не закончились.

Стоило нам задремать, как приходила неясная тревога, и начинали сниться дурные сны, от которых не получалось отгородиться. Кто-то звал мерзким шёпотом на краю сознания, как будто я шагала в теневой портал, только в отличие от злых слов портала, эти я не могла разобрать. Лишь чувствовала от них всё нарастающую тревогу, отчего крылья начинали противно ныть, а сердце быстро билось о грудную клетку, как будто норовя выскочить на свободу.

Мы не могли толком отдохнуть, и мучились от неясных дурных снов явно магической природы. Но кто мог зачаровать столько драконов, да ещё и заставить магию держаться так долго? Мне казалось, я знала всех могущественных чародеев современности, способных сотворить нечто подобное, и никто из них не был мне врагом. А те, кого с натяжкой можно было

так назвать, понятия не имели, когда я полечу к Никласу. По крайней мере, перехватить мои послания жениху никому бы не удалось. Или я и здесь чего-то не знаю?

Я ещё даже не прилетела в Даланну, а неприятности уже обрушились на мою голову, и самое противное, что мне нечего было ответить своим драконам. Только мелкий медный умудрялся несмотря на усталость выделять пируэты в воздухе, скалить клыки и шутить:

— Ещё никто не победил дракона с помощью недосыпа, о Цветок На Земле Севера, поэтому и нам не о чем беспокоиться!

Признаться, мне хотелось спихнуть его в глубины вод. И останавливало только то, что с нашей накопленной усталостью он в самом деле мог оттуда не выплыть. А он меня не настолько утомил, тем более, что запасного сына у тётушки Лантассы не имелось, так что этим паяцем она очень дорожила.

Каждый день утомительного полёта я ожидала нападения. Не просто так нам навевали кошмары и лишили возможности отдохнуть хоть в каком-то подобии постели. Это очевидно был способ вымотать нас перед предстоящим боем, но когда он, наконец, начнётся? Почему на горизонте я не вижу вообще никаких врагов, а неясное чувство тревоги, тем не менее, присутствует и меня, и моих драконов?

Гадать над вопросами без ответов можно было очень долго, но показался берег, и я вздохнула с облегчением. На суше тоже не виднелось никого, кто мог бы на нас напасть: мы предпочли высадиться не в многочисленных портовых городах Карнидейла, а на условно-нейтральной территории береговой линии. Карнидейловцы, в отличие от даланнцев, никаких драконов на своей земле не ждали, и у меня не было решительно никаких сил с ними разбираться.

Встретить люди Никласа нас должны были на границе Даланны, но мы туда просто не долетим после того, как провели столько времени без нормального сна. Я вряд ли определила бы сейчас по карте, где именно мы приземлились, но по линии берега не было видно городов, и посторонних разумных тоже не было видно.

Разумеется, мы выставили дозорных по методу «двое дежурят два часа», но я подозревала, что ничем хорошим это не кончится. Ложилась спать в истинной форме, несмотря на возможные проблемы с местными, и не позволила себе уйти в глубокий сон, чтобы ничего не пропустить, и суметь защититься, когда враг нападёт. Даже дышала через раз, тем более, что и та самая неясная тревога вернулась, и я по-прежнему не могла понять, откуда она вообще взялась.

И чутьё не подвело меня. Не успело миновать первое дежурство, как меня начали трясти за крыло, а как только я открыла глаза, то обнаружила, что Эреллин и Саамах сражаются с дежурными. Я попыталась было приказать им немедленно остановить потасовку, но оба дракона синхронно обернули на меня головы, и я увидела тёмно-фиолетовые глаза. Да и шеи они повернули вовсе не так, как может это сделать живой дракон.

Но... это же демоническая магия?! Более того, это похоже на ту самую легендарную демоническую заразу, которая выкосила множество взрослых эльфов тридцать лет назад. Только проблема в том, что та дрянь никогда не могла взять дракона, мы очень быстро старели и лишались магии, но оставались в здравом рассудке. А эти драконы вели себя вовсе не так, как должны были от той ползучей дряни. Они двигались. Они осмысленно нападали.

Я смотрела на них и понимала, что мне нужно отбивать живых у, очевидно, мёртвых, но пока не видела у получившихся тварей никаких слабых мест. А ещё отмечала, что они почему-то не пытались напасть на меня, только вывести из строя остальных. Если так, то скорее всего им дан приказ захватить меня живой. И, раз уж они долетели либо совершенно нормальными, либо зараженными, но спящими через море — враг был по эту сторону Лунных вод.

Все эти выводы я делала, целясь в глаза того, кто когда-то был мне если не другом, то уж точно дорогим драконом. Не хотелось касаться того, чем Эреллин стал, но в драконьей форме у

меня почти не было возможности пользоваться магией, только клыки и когти. Мы — сами суть есть магия, и в данный момент это мешало. Зато ударить меня им тоже было весьма сложно.

Только мои бывшие подчиненные таких ограничений почему-то не имели, поэтому от моей чешуи отразился небольшой огненный шар. Разумеется, чешую не пробил, но это всё равно было больно и сбивало концентрацию. Гайас расцарапал бок Саамаха, и вместо крови оттуда стекала черная густая жидкость с подозрительным фиолетовым отливом. Что случилось с этими драконами?! И когда оно случилось?!

На моём крыле едва не сомкнулась челюсть Эреллина, и я отлетела. Сознание начало само собой фиксировать уязвимые точки врага. Если учесть, что это уже не драконы, а их тела, поднятые демонической магией, то нам нужно сделать так, чтобы эти тела не могли больше нападать. Я отметила, что твари держатся на отдалении от линии берега и избегают воды. Взлетела повыше и зашипела, давая таким образом знак остальным, что они должны последовать за мной.

Как я и ожидала, обе твари бросились вверх к облакам, причём целью выбрали именно меня. Рванула обратно к морю, и обратила внимание, что их скорость замедлилась. Даже неестественные движения как будто кто-то зафиксировал амулетом, и теперь эту запись искусственно замедлили. Но от своей цели неведомый чернокнижник не отказался, поэтому неправильные драконы всё равно упорно летели на меня. Я же не могла знать, понимают ли они речь, и передают ли её тому, кто ими управляет.

Поэтому мне оставалось только надеяться, что мои драконы поймут, что я хочу сделать, и поддержат. Эти существа, которыми стали бедолаги Эреллин и Саамах, были намного сильнее обычного дракона и могли колдовать. Даже пока я их уводила — они едва не снесли ледяным вихрем сразу троих из моей свиты, и треклятый вихрь никуда не убрался, продолжая преследовать остальных, пока сами драконы-нежить атаковали меня.

Обе твари прямо в небе неожиданно рванули ко мне с двух сторон, пытаясь зажать между собой, и я едва успела ускользнуть, столкнув их лбами. Но вся медлительность делась куда-то так же быстро, как и я появилась. Я подавила желание вскрикнуть, когда увидела разорванное горло Саамаха. Кто нанёс ему эту посмертную рану я не знала, но смотрелось отвратительно. И, что печальнее, совершенно не мешало ему двигаться и атаковать. В мои крылья полетел град ледяных стрел, снова с двух сторон, но я увернулась, жалея, что не могу просто выставить щит.

Затем я задышала огнём на крыло Саамаха. По всем законам мироздания и здравого смысла, дракон с обугленным крылом должен был упасть в море. Одно крыло не может выдержать своего хозяина в воздухе! Но этим существам всё было ни по чёму, и он продолжал летать, как ни в чём ни бывало. Демоническая магия... она никогда не укладывалась в логику смертного мира, и сейчас я как никогда понимала: мы толком ничего и не знаем о демонах, сколько бы их ни изучали. Но чем этих тварей приложить, чтобы они всё-таки упали в воду?!

Успела увидеть, как всё тот же Гайас вместе с напарником сжигают оба крыла Эреллина. Но дракон-нежить даже не дёрнулся, продолжая парить. Только отправил в них что-то светло-зелёное, и я похолодела. Если это то, о чём я думаю, то от Гайаса может не остаться даже пепла, чтобы отправить родным. Я бросилась наперерез, сбивая дракона с траектории зеленых лучей, и едва сама не попала под их действие. Даже по касательной задев крыло — зеленый луч опалил нежную перепонку, и я едва не взвыла от боли. К счастью, это был удар не в голову и не в сердце, так что мне распыление пока не грозило.

Тварь обернулась и ощерилась тройным рядом клыков, которых у Саамаха, конечно, всегда был лишь один ряд. Черные глаза с фиолетовыми искрами засветились, и я невольно поймала их взгляд. Перед глазами пронеслась навевная картина, как все мои драконы превращаются в таких тварей, и жрут мою семью у меня на глазах. С кем-то младше и слабее это может и могло сработать, но я была одной из наследниц Империи, а нас так просто не возьмёшь. Картина перед мысленным взором причинила боль, но не отключила мне мозги.

Я поняла, как вывести их из строя! Не крылья держали магию. Глаза. Новая демоническая зараза действовала через глаза, там и таилась, там и управляла телами. Это предположение могло и не сработать, но один дракон-нежить умудрялся теснить девятнадцать живых, и, в отличие от них, не уставал и мог колдовать. Так что преимущество, как ни парадоксально, было не на нашей стороне. Я снова задышала огнём, целясь прямо в морду Саамаха, и он задрожал в воздухе, не успев увернуться. Казалось, он вот-вот упадёт, но потом глаза загорелись на сожжённом лице, и он выровнялся. Да что с тобой вообще делать?!

Спустя мгновение я сообразила, что это не только мой бой: пришло мыслесообщение от Таэрна, где он короткой картинкой показывал всем одновременно, что он собирается делать. Силён... направленная магия в истинной форме давалась младшему Алькарро намного лучше, чем мне. Да и чем большинству драконов — тоже. Но его идея могла сработать, так что я коротко рыкнула, давая «добро».

Рискованно, конечно. Но если мы упадём в воду, не выдержав бой, то можем потонуть все вместе, зато безо всякого риска. Едва получив одобрение своей идее, Таэрн рыкнул сам, давая сигнал половине свиты превращаться. А потом он сам спрыгнул на мою спину, возвращаясь в человеческую форму в воздухе, и прямо в полёте опоясал Саамаха лентой пламени. Одновременно с ним так атаковали ещё три пары дракон-«всадник», и нежить, наконец, рухнула в воду со странным шипением.

Большая солёная вода. Почему-то нежить боялась морей, и не имело никакого значения, каким образом её подняли. Эта нежить исключением не стала. Но как только оба немертвых дракона упали, пропало и то постоянное чувство тревоги. Морская соль разъела связь демона с телами, и мы смогли, наконец, опуститься на землю. Повезло, что искаженных в нашем отряде было только двое.

Теперь предстояло выяснить, когда их исказили, кто это сделал, как он это сделал... я даже не долетела до Даланны, а уже получила первоклассную головную боль! И как же жаль ребят... они были хорошими драконами, и совершенно не заслужили такую отвратительную смерть. А первое, чем мне предстоит заняться на новом месте — это придумать, как рассказать об этом семьям...

Я рыбкой полетела вниз, и рухнула на песок, оборачиваясь человеком. Хотелось плакать, но время было только чтобы перевести дух и лететь дальше. Мы не можем дальше рисковать. Кто знает, какие ещё опасности за поворотом?

Глава 4

Никлас

Лица почтенных монархов вытянулись, когда Никлас поклонился им, и произнёс свои дерзкие слова. Они с отцом не только шли против традиций и веры, но и не испытывали за это никакого раскаяния, позволяя себе невероятную наглость! Ник без труда читал возмущение на их лицах. Ещё бы... наверняка кто-то из старцев сейчас оправится от шока, и начнёт спрашивать, где Олдарик.

Но прежде, чем это случится, Никлас успеет сделать собственные выводы и выстроить линию поведения в голове. Он не таясь рассматривал других монархов, ловя малейшие изменения в выражениях лиц. Герхард Седьмой тут же отвёл взгляд, как только Ник посмотрел ему в глаза. Правитель Ройса выглядел каким-то серым, как будто его припорошило песком из-под конских копыт, и то и дело оглядывался на свой почётный караул.

По два стражника занимали место возле каждого монарха, а на маленькой трибуне на ступень ниже сидел секретарь, который записывал всё, что будет происходить на заседании. На своего секретаря Герхард тоже косился, кусая и облизывая губы, несмотря на густую каштановую бороду, в которой уже поблескивало множество серебряных нитей.

Герхард Седьмой недавно выдал своего брата в Империю, и совсем не хотел и дальше спорить с Даланной, ведь помолвка Никласа с дочерью Атройзиса в их кругах секретом уже не была. Значит, в прямой конфликт вступать не будет, но непременно постарается напакостить исподтишка.

Никлас перевёл взгляд на гостеприимного хозяина вечера. Альвхильд, король Раггерда, иногда прикрывал глаза, и не проявлял особого осуждения. Только выразительно смотрел на пустующее место, предназначенное Нику, да нетерпеливо постукивал ногой по каменному полу. Не союзник, но и не враг. Не так уж и плохо, если учесть, сколько всего Никлас и отец сделали «не так» по мнению почтеннейшего собрания.

Что более неприятно, в этот раз кроме королей присутствовал и тот, кого Никлас предпочёл бы сжечь так, чтобы и пепла не осталось. Дарэ Асмунд не полагал нужным прятаться или избегать даланнцев, а значит, ничуть не смущался того факта, что вина его латов в заговоре доказана, а против него собраны необходимые свидетельства. Его Святейшество смотрел прямо и слегка улыбался, а белоснежная борода была уложена волосок к волоску, как и длинные седые волосы. Во взгляде Первосвященника Никлас читал то, что принято называть «отеческой укоризной», но не сомневался, что правды в прочтенном также много, как воды в глубине пустыни.

Никлас перевёл взгляд на оставшихся двух монархов. Сигр Второй освободил своё место для Его Святейшества, а сам скромно стоял возле Первосвященника, и смотрел на Ника, презрительно поджав губы. Он единственный встретил прямой взгляд своим, и на дне блеклокарих глаз этого глубокого высушенного старика без труда читалось всё, что он думал. Разумеется, ничего хорошего, недаром именно его столица стала рассадником веры в Светлейшего и местом резиденции Асмунда.

И, наконец, Тиарнанн. На губах бравого морского волка, чьих воинов на море боялись даже драконы, играла жесткая усмешка. Он слегка приподнял смоляную бровь, как будто спрашивая, как долго Никлас будет задерживать начало заседания. Всё равно ему это не поможет — вот что Ник читал во взгляде человека, когда-то придушившего собственного сына, вздумавшего устроить мятеж.

Игра в гляделки заняла не больше минуты, но Никлас успел сделать все нужные выводы, и, наконец, проследовал на своё место. Он ожидал, что на его слова что-то ответят, но почтенное собрание решило сделать вид, что заседание началось как обычно. Их Величества, разу-

меется, не желали брать слово первыми, поэтому вперёд вышел распорядитель. Невзрачный лысоватый мужчина средних лет откашлялся и произнёс:

— Тысяча двести шестьдесят седьмой год от Вознесения Светлейшего. Шестнадцатое число Первых Морозов. Объявляется сто сорок первое заседание Совета Соцветия, основная тема заседания — срочная коронация Его Высочества Никласа Олдарика Стефана Ингвара Ормарра фир Даланна из рода Алга...

Дальше распорядитель начал перечислять многочисленные положенные Никласу титулы, и тот попросту перестал слушать. Иногда голову Ника посещала забавная мысль, что они тратят прямо-таки непозволительно много времени на то, чтобы произнести все эти титулы и вспомнить всех предков, и это время можно было бы потратить намного полезнее. Вспомнился суд по вопросу несостоявшегося покушения на него и отца. Тяжбы длились много дней даже несмотря на то, что часть процедур Никлас бессовестно упростил, да и зачитывались вслух отнюдь не все документы по делу, это только он тонул в мировом океане из бумаг.

Впрочем, Их Величества не хотели ждать, так что распорядитель тоже торопился, переходя, наконец, к сути. Насколько это возможно для соцветского бюрократа:

— Заседание собрано Его Величеством Тиарнаном Фионнбарром Лугайдом Донном фир Карнидейл при поддержке открывающего это заседание Альвхильда Йорунна Сива Ярова Торбьёрна фир Раггерда. Слово Его Величеству Тиарнанну!

Открывающим называли того короля, в стране которого проходило заседание, хотя, разумеется, всеми формальностями занимался кто-нибудь другой, а короли лишь присутствовали и скандалили. Головная боль понемногу начинала возвращаться, но Никлас старательно её игнорировал. Последние несколько дней? Недель? Может, даже месяцев? Словом, последнее время он очень плохо спал, и зачастую не имел времени на сон вовсе, а потому голова недвусмысленно намекала, что ему нужно отдохнуть. К несчастью, дела Даланны на мировой арене пока были слишком плохи, чтобы Ник мог себе это позволить. Если бы заседание созвал Герхард или Сиг, можно было бы немного расслабиться, но Тиарнанн...

Не тот человек, с которым хотелось ссориться, особенно сейчас. С ним с трудом тягался даже отец, да и Релан говорил, что на его памяти более жестких, бескомпромиссных и, главное, склонных идти в своих решениях до конца королей в Соцветии ещё не было. Никто не любил Тиарнанна, ни собственные подданные, ни соседи. А вот считаться с ним были вынуждены все, даже по тем вопросам, которые его не касались.

Никлас мысленно выругался, но внешне удержал равнодушно-вежливую улыбку. Соседи должны быть совершенно уверены в том, что благодаря союзу с Империей Золотого Древа он считает себя неуязвимым для их нападков. И неважно, что он думает по этому поводу на самом деле. Нельзя показывать страх стае волков — разорвут и не заметят.

Тиарнанн фир Карнидейл вышел на середину зала медленной, но уверенной походкой пиратского капитана, захватившего большую добычу. Он прибыл на заседание в военном мундире своего флота, поэтому жгучий брюнет с короткой бородой без единого седого волоса смотрелся так, словно уже похоронил всех присутствующих. Форма была черной с синими знаками отличия, и это усиливало впечатление того траура, когда все пришедшие на похороны думают: «Сдох — и замечательно!», а вслух выражают соболезнования и изображают горе. Ассоциация Никласу не нравилась совершенно, но избавиться от неё не удавалось.

— Я буду прямолинеен, Никлас, — сказал Тиарнанн, не пытаясь даже изобразить, будто следует протоколу. — Если твой отец желает, чтобы Карнидейл оставался Даланне другом, он не подпишет отречение. И ты, если не хочешь неприятностей с моря, оставишь дурную затею связываться с моими врагами. Довольно мы терпели даланнское самоуправство! Этому давно пора положить конец.

Что ж, если «союзник» нарушает протокол — и ему, разумеется, никто не смеет перечить — значит и Никлас может. На силу следует отвечать силой, это он уяснил даже слишком

хорошо. Распорядитель покосился на Тиарнанна и отступил на шаг, явно испугавшись широкоплечей фигуры Короля-Пирата, но не смея показать это более явно.

Ник поступил иначе. Он встал, плавной походкой вышел вперёд, не дойдя до трибуны, возле которой разглагольствовал Тиананн, и очень спокойно заговорил, не позволяя врагу-союзнику закончить лить свой поток грязи:

— Что ж, ответу прямою на прямоту. Сколько кораблей насчитывает твой флот, Тиарнанн? Если моя разведка не ошибается, то не меньше трёх сотен, не считая частные судоходные кампании. А сколько магов ты можешь выставить, чтобы оберечь корабельную древесину от живительного огня? С каждым годом всё меньше, и не я тому виной. На море ты удерживаешь превосходство, но это будет длиться до тех пор, пока на суше твою спину прикрывают маги Даланны, и пока Карнидейл не зажимают в клещи. Не говоря уже о том, что сквозь Даланну могут захотеть пройти те, кому ты перешёл дорогу. Мне бы этого не хотелось. Поэтому, я прямо прошу не пытаться вмешиваться во внутреннюю политику Даланны, которая никоим образом не вредит союзникам и не затрагивает их. Как и наши отношения с отцом.

Тиарнанн усмехнулся, и посмотрел на Никласа, как будто бы, с возросшим уважением.

— Угрожаешь старому морскому волку, стало быть? Ну что ж, посмотрим, чего ты стоишь.

И отошёл в сторону, кивнув распорядителю. Никлас скользнул по Тиарнанну как будто бы равнодушным взглядом, и спокойно вернулся на своё место. Но кто бы знал, чего ему стоило это спокойствие. Мокрые ладони хотелось вульгарно вытереть о камзол, а ещё немедленно упасть лицом в подушку и спрятаться, как ребёнку. Ник раздраженно отмахнулся от собственных эмоций. Этот ход за ним. Король-Пират любит, когда на его угрозы отвечают тем же, главное, выбрать правильные слова. У него, кажется, получилось.

Но, разумеется, на этом коротком противостоянии, которое почтенное собрание комментировать то ли не пожелало, то ли струсил, заседание не кончилось. Оно, чтоб его закончили демоны, только начиналось. И посвящено было в основном желанию союзников прогнать отца и самого Никласа под своё понимание политики и жизни. Виски продолжали ныть, но Ник усилием воли заставил себя не обращать на это внимание.

— Собрание подготовило несколько вопросов, которые хотело бы осветить, — вежливо сказал распорядитель. — И одним из главных вопросов будет отречения Олдарики Третьего от престола Даланны. Известно, что церемония уже назначена, и не согласована с союзом.

Дальше распорядитель вызывал присутствующих по одному. Точнее, давал им слово. Такая система позволяла не перебивать друг друга и не скатываться в банальную свару, но на деле Никлас отчаянно подозревал, что заседаниями управляет Первосвященник. Поэтому ему слово дадут последним, когда почтенное собрание уже как следует накрутит друг друга.

К удивлению Ника, первым выступил сам дарэ Асмунд во всём своём благолепном великолении. И это при том, что его вообще не должно было здесь быть. Светлейший не одобряет настолько прямое вмешательство в дела мирские. Его латы должны действовать мягче.

— Как скромный лат Светлейшего, я с прискорбием вынужден заметить, что Его Высочество и Его Величество смущены и понемногу отворачиваются от истинной веры, — елеинным голосом начал Первосвященник. — Правителей на царствие земное назначает высший суд, и быть ему в этой роли до последнего вдоха, как и должно, и как было во веки веков. Однако, Его Величество Олдарик пошёл против канонов своей веры, решив передать трон сыну до истечения жизненного срока...

Никлас должен был молчать, дать ему договорить, высказываться в свою очередь. Только господина Первосвященника ему хотелось придушить... то есть, конечно, драконьими крыльями отправить в Чертоги Светлейшего. Поэтому Ник снова нарушил протокол:

— Иными словами, вы предлагаете моему отцу лишиться себя жизни, коли он считает, что более не годится на роль правителя Даланны, правильно я понимаю? И ставите долг правителя и долг верного прихожанина своего бога в конфликт?

— Светлейший ясно сказал и донёс это до смертных: «Всякий, кто однажды взял на себя нелегкое бремя власти, должен нести его до последнего вдоха, ибо эта ответственность кончается вместе с жизнью», — улыбнулся Асмунд, хорошо поставленным голосом цитируя Жизнеописание Светлейшего.

Никласу религия, де-факто чуть не убившая отца, не нравилась вообще. И не только из-за покушения, но и потому что объективно тянула Даланну на дно прогресса. Остальное Соцветие тянула тоже, но демоны бы с ним, с остальным Соцветием. Хотят погружаться во мрак, страдать от болезней и умирать на половине или трети от реально отмеренного им срока — их дело. Проблема в том, что Даланну союзнички тянули за собой. Но прямо сейчас выступать в противостояние с Асмундом — значит, рисковать не выйти отсюда живым. Он, конечно, не последний маг, но...

Дорогой Первосвященник посильнее будет. Как бы он ни прикрывался силой, даруемой Светлейшим. Да и матушка... нет, пока не время. Нужно держать баланс.

— Позволю себе не согласиться с тем, что несение ответственности предполагает наличие короны на голове, Ваше Святейшество, — Ник кротко улыбнулся. — Мой отец до конца своих дней будет работать на благо Даланны и радеть за каждого, кем ему довелось править. Однако, ответственность можно нести во многих аспектах, а не в единственном. Отец останется моим ближайшим советником, он не уходит в монастырь и не бросает дела. Его ответственность в том, чтобы страна управлялась наиболее эффективно, и он сам ответственно принял решение это обеспечить. Это высшая жертва правителя! Уйти в тень, чтобы Даланна жила и процветала. И это очень ответственное решение.

Раздались одинокие хлопки ладонью о ладонь, и Никлас едва не обернулся, посмотреть, кто из союзников оказывает столь своеобразную «поддержку». Но не стоило показывать, насколько ему это интересно, поэтому принц сдержался. Первосвященник же снова приторно улыбнулся:

— Вы пытаетесь трактовать Жизнеописание, хотя не получили религиозного образования, Ваше Высочество. Но Светлейший милосерден и прощает грехи, совершенные из благого намерения, а я не могу идти против воли своего бога. Однако, присутствующие не связаны узами небес, и могут иметь иное мнение.

Первосвященник удалился с трибуны, и распорядитель ожидаемо вызвал Сигра. Да, определенно, это заседание управлялось Асмундом, и в данный момент Ник ничего не мог с этим сделать. Бородатый хлыщ в рясе ловко манипулировал своими прихожанами и мастерски настраивал их против здравого смысла. А ещё имел власть, деньги и магию, и не стеснялся все это использовать. Говорят, месть нужно взрастить из зёрнышка, и только плоды смогут накормить врагов так, как они того заслуживают. В случае с Асмундом, Никлас впервые был согласен поработать садовником несмотря на королевский титул.

Сигр вышел медленно, и перед тем, как заговорить, осмотрел всех собравшихся, на каждом задерживая внимательный и недобрый взгляд. Он был старше даже самого Асмунда, а ещё не верил никому, кроме Светлейшего и его бога, и эта замечательная репутация играл не в пользу Никласа. Наконец, над головами королей раздался дребезжащий высокий голос короля Эйлаты:

— Я не понимаю, что здесь обсуждать. Мальчишка и поглупевший с годами Олдарик нарушили волю Светлейшего, и пошли против его сияния. Жизнеописание хорошо описывает, что бывает с теми, кто позволил себе спорить с течением. «И поглотили его воды морские, и не осталось на земле смертной ни потомков его, ни памяти о нём, ни даже имени», — он звучно

продекламировал цитату из притчи о купце, который посмел не отдать богу какой-то ценный артефакт, и потребовать за него плату.

Головная боль усилилась. Если старый фанатик сейчас умудрится настроить против него других таких же старых дураков, войну Даланне объявят прямо в этих стенах... Асмунд что-то зашептал на ухо своему высушенному псу, и как Никлас ни старался, не мог расслышать ни слова. Тогда тот добавил:

— Впрочем, у почтенного купца был шанс осознать свои заблуждения. Дадим мы его и юному принцу. Ваше Высочество, у Даланны есть только один шанс на прощение Светлейшего. Править должен ваш отец, а помолвка с чуждым существом должна быть разорвана, — и старик ушёл на своё место, давая распорядителю возможность вызвать следующего.

Герхард не захотел говорить долго, и то и дело поправлял рукава или оглядывался всё на того же Первосвященника. Но в конце концов старый трус сумел донести свою мысль:

— Я вынужден поддержать почтенное собрание, Ваше Высочество Никлас. Вы слишком юны, чтобы править, и, кроме того, склонны давить на союзников, добиваясь своего. Мудрость приходит с возрастом, недаром Светлейший наказал править до последнего вздоха.

Даже ройский трус, дрожавший под пятой властной супруги, и тот умудрился припомнить Нику то, что он помог выдать отца Коринны в Империю. Какая жалость, что Ник за этот поступок ничуть не раскаивался. Казалось, следующим, наконец, будет Альвхильд, но вперёд снова вышел Тиарнанны, проигнорировав недовольный взгляд Первосвященника себе в спину.

— Я обдумал твою угрозу, дерзкое Высочество, — усмехнулся он. — И скажу коротко: пробуй. Возможно, шторм твоей молодости наконец размывает это болото. А может быть у нас получится добрая драка. Меня устроят оба расклада.

Все старательно не вспоминали, кем был Тиарнанны ещё каких-то тридцать лет назад, но иногда об этом с удовольствием напоминал он сам. Значит, хлопал он. Прекрасно, одной головной болью меньше. Слово в насмешку над словами Короля-Пирата, голова и в самом деле перестала болеть. Никлас отсалютовал Тиарнанны, как один морской капитан другому, и тот улыбнулся, прежде чем вернуться на своё место.

Обольщаться не стоило, у морского волка не было друзей, лишь временные союзники и те, кто казался ему интересным. Но и это неплохой результат. Наконец, распорядитель вызвал всё-таки Альвхильда. Тот отмахнулся от лысеющего несчастного мужчины, как от досадной помехи, и произнёс:

— Говоря откровенно, я не считаю, что мы имеем право решать, подписывать ли Олдрику Третьему отречение. Это его жизнь, и его страна, за которую он несёт ответственность, — начал Альвхильд спокойно. — Однако, меня весьма тревожит то, в какую сторону поворачивается голова Даланны. Вы ступаете на опасный путь, Никлас, и имеете все шансы остаться у разбитой скорлупы, когда ваши новые союзники используют вас, вытрут руки и выбросят. Если бы я был долгоживущим, я именно так и захватил бы власть. Что стоит драконице тихо придушить вас подушкой во сне? Считайте это дружеским предупреждением, Ваше, пока ещё, Высочество.

Только после всех этих несомненно мудрых советов, которые Ник предпочёл бы видеть где-нибудь на дне морском, распорядитель наконец-то вызвал его самого. Никлас долго обдумывал эту речь, собственно всё время, пока «старшие» пытались поставить его на место. И теперь чувствовал, что каждое слово четко выверено, и, что немаловажно, с каждым его словом понемногу отступает вездесущая головная боль. Он принял решение и готов был его отстаивать.

— Дорогие союзники! — начал он не без легкой, почти невесомой иронии. — Я благодарен вам за поддержку и советы, однако, Даланна — всё ещё независимое государство, и наш с вами союз взаимовыгоден. Поэтому в ваших же интересах, чтобы Даланна процветала и становилась могущественнее. Тогда я смогу дать больше магов, чтобы защитить простых людей всего Соцветия от опасностей, о которых они даже не подозревают. Мы забылись. Мы решили,

будто можем избегать магии, и тогда она избегнет нас. Но это так не работает. Чем больше мы растрачиваем наш потенциал, позволяя владеть даром только аристократам, тем более лакомым куском мы становимся не только для алчных соседей, коих у нас хватает с лихвой, но и для того, что мы пока до конца даже не понимаем.

Вы старательно не вспоминаете, что больше года моим братом притворялась тёмная тварь, которая едва не убила отца. Делаете вид, что это совершенно неважно, не учитываете. И поэтому дрожите перед даланнским союзом с драконами. Но проблема в том, что этот демон был. И всему Соцветию нечего поставить против даже такой слабой твари, — он намеренно преуменьшал проблему, да и Стефана они с отцом решили представить павшим героем, а не предателем и мразью, но говорил уверенно и спокойно. — А что будет, если на наши земли ступит что-то посильнее? Светлейший завещал нам самим защищать себя и своих людей, это наша ответственность и наша обязанность, как верно заметил Его Святейшество — до последнего вдоха. И мы с отцом с этим согласны. Поэтому готовы учиться и перенимать чужие секреты, коли нам готовы их дать.

И если вы встанете между мной — и защитой Даланны, то вы знаете, что я выберу. Но я могу поделиться обученными магами и знаниями с вами, и тогда мы все станем сильнее. Что выбирать — решать вам, но я не согласен и не готов идти против своего же собственного народа. В конце концов, в Жизнеописании Светлейшего ясно сказано: «И если руки твои обогрились кровью по локоть, но тем самым ты оберег тех, за кого в ответе — эта кровь не пристанет к тебе».

Никлас не стал ждать, когда дорогие союзники оправятся от первого шока и начнут безобразную свару. Он просто кивнул своим людям, и создал портал, игнорируя стационарный, подвластный Альвхильду. Демонстрация силы? Безусловно. Но пусть излагают своё недовольство письменно.

Когда Ник шагнул в портал, спиной он чувствовал сразу два ненавидящих взгляда. И совершенно не сомневался в том, кому они принадлежат.

Дорогие читатели!

Глав от Ника получается несколько, прежде чем мы вернемся к Найларе. Но потом, несомненно, драконочка тоже расскажет нам о своём видении ситуации.

Глава 5

Никлас

Вернувшись с собрания, протокол которого он так бессовестно нарушал, Никлас свалился с магическим истощением. Как назло, в отличие от Рэйнера у него даже не было «Драконьей крови», и это были банальные последствия перерасхода магических сил, недосыпа и усталости. Несколько часов он даже не проспал — провалялся в каком-то забытии, за пределами которого ничего не слышал и не видел.

Но даже из этого полубоморочного состояния он вынырнул всего лишь спустя восемь часов. Обычно он позволял себе спать только четыре, надеясь выспаться, когда они поженятся с Найларой и у него будет, кому доверить хотя бы часть необходимых дел.

Разумеется, о его состоянии слуги тут же доложили матушке, так что очнулся Ник в своей постели, и родительница сидела у неё и смотрела на него с кроткой укоризной, как получалось только у неё.

— Сын мой, я разочарована вами. Светлейший говорил в Жизнеописании...

Даже только очнувшись, Ник всё равно не хотел это слушать:

— Довольно, матушка. Если вы хотите сказать, что я о себе не забочусь — это неважно, я забочусь о своей стране. Если вы волновались — то я жив, и это просто небольшие последствия переутомления, всё уже в порядке. Если же вы хотите меня отчитать — то я не ребёнок. Отречение отца пройдёт уже завтра, и вы сможете уйти туда, куда мечтали. В монастырь.

Эта отповедь едва не забрала все с трудом восстановленные силы, но матушка скорбно посмотрела на него, осенила Знаком Света, и, укоризненно покачав головой, вышла из спальни. Правда, спустя несколько минут пришли слуги, и помогли ему привести себя в порядок, а ещё накормили обильным завтраком. Матушка всё же заботилась о нём, в своей своеобразной манере.

Никлас не знал, что ей на это сказать, поэтому как обычно погрузился в работу. События развивались слишком быстро, и на столе было невозможное количество писем. Но первым, разумеется, он посмотрел послание от Лантассы. И едва не упал обратно в сон-обморок от облегчения. Коринна и Рэй были живы! Тварь остановили! И братец сделал что-то с собой, поэтому сам не был на себя похож. Что ж, это многое меняло, и поддерживало ту легенду, которую они с отцом хотели создать. Одной проблемой меньше, даром, что Никлас предпочёл бы и вовсе не придумывать, что с этим всем делать.

Перед отречением нужно было поговорить с отцом. Олдарику, несомненно, уже доложили, что его наследник вернулся из портала и сразу же провалился в сонный обморок, и скорее всего папа сделает верные выводы. Конечно, как выражалась Лантасса, «после длительного отравления когнитивные функции будут восстанавливаться с трудом», но в отце уже было намного больше от него-прежнего.

Хотелось бы придумать, как исправить свой паршивый вид, и суметь изобразить перед отцом бодрость тела и духа, но лить ради этого в глаза стимулятор было бы безответственно, а без него Ник выглядел ровно так, как себя чувствовал. Поэтому разобрался с самыми срочными письмами, вежливо ответил на угрозы нагло покинутого Совета Соцветия, и, не откладывая, отправился к отцу.

Тот снова, как и до отравления, большую часть времени проводил в своём кабинете, за огромным дубовым столом. В окружении подаренных Реланом магических светильников и кип бумаг. Слишком много среди этой корреспонденции было секретного, чтобы они могли доверить её разбор кому-то постороннему. Ник посмотрел на иссохшего старика, в которого превратился ещё недавно полный жизни относительно-молодой маг, его папа, и демонстративно постучал по косяку двери, раз уж отец умудрился не заметить, как Ник вошёл.

Его Величество Олдарик Третий явно никого не ждал именно в это время, и коротко вздрогнул. Раньше у него был очень острый слух, но от яда пострадало слишком многое. А вскоре Ник понял, почему отец не запер дверь — явилась Лантасса Алькарро, и проворчала:

— Я разрываюсь между пациентами, которые требуют моего внимания! Мы только вытащили девочку из чрева твари, и я стабилизировала её и Рэя, а теперь вот нужно проверить, как проходит ваше выздоровление, Ваше Высочество.

Отец смущенно отвёл взгляд, а вот Лантасса в этот раз выбрала облик молодой симпатичной рыжеволосой девицы, и лукаво улыбалась полными губами. Её настроение испортить сейчас было очень сложно, Ник это видел.

— Лантасса, я пью всё, что ты мне прописала как мой лечащий врач. Не нужно обращаться со мной, как с ребенком, — мягко попросил отец. — Спасибо, я чувствую себя намного лучше.

— Ну хорошо, тем более, вам с Ником нужно поговорить без меня. Но я тебя проस्कанировала, Олдарик. Восстановление правда идёт хорошо. На самом деле, ты мог бы и не подписывать отречение, если не хочешь, у тебя есть все шансы вернуться к тому, каким ты был до болезни, — они отбросили формальности. Слишком давно Лантасса Алькарро знала даланнскую королевскую семью. Драконы...

— Я знаю, — голос отца звучал ещё более мягко, но настойчиво. — Спасибо за лекарства и назначения. Но ты права, — он выделил это голосом. — Чета Геллерхольцев спасла нам с Никласом жизни, поэтому твоё место с ними, если уж ты не хочешь вернуться домой.

Старая драконица только укоризненно покачала головой. Для неё и отец и сын в равной степени были неразумными детьми. Впрочем, к просьбе прислушалась, и вскоре шагнула в портал, оставив их вдвоём. Когда это произошло, отец мелко засеменил к двери, и запер её на все замки, включая потайные. Потом рухнул обратно в кресло и помассировал виски до боли знакомым жестом.

— Как ты, отец? — тут же спросил Ник, усаживаясь в большое красное кресло «для посетителей». Кроме самых доверенных людей и близких отца тут никто не посещал, но он упрямо называл бархатное чудовище именно так. Впрочем, кресло было удобным и очень привычным. Ник уселся туда, и сразу почувствовал облегчение. Он был дома, как бы ни складывалась жизнь.

— Руки всё ещё дрожат, да и ходить долго не могу. Поднимать тяжести строжайше запретила Лантасса, как и стоять на ногах больше двадцати минут подряд. Память понемногу возвращается, способность соображать тоже. Но физически и магически я тебе не помощник, сын, всё, на что я способен — это разбирать бумаги и злиться на собственную недалёкость. Лантасса говорит, что восстановление может занять год или два. И я, разумеется, подпишу отречение. В таком виде я бесполезен для Даланны, и мы не можем ждать год, нас сожрут. Да и... ты сам всё знаешь.

Никлас устало кивнул:

— Знаю. Всё знаю. Мы много раз это обсуждали. Но ты... ты выдержишь эту помпезную церемонию? — он бросил на отца обеспокоенный взгляд. — Ты уверен, что тебе это не повредит?

Его Величество криво усмехнулся:

— Твой брат со своей жёнушкой сломали мне в основном мозги. Выдержу, там не обязательно всю церемонию стоять на ногах. Да и в любом случае, нам нельзя дальше тянуть. Даланна нуждается в сильном короле, иначе нас порвут на части. И в сильной королеве тоже.

Ник вспомнил письма Найлары и поморщился:

— В сильной королеве, которая заинтересована в процветании Даланны, отец. Ладно. Если ты чувствуешь себя готовым, то всё в силе, и подготовленную церемонию не придётся отменять. Я... мне жаль, что со Стефаном всё сложилось так.

— Мне уже доложили. Он что-то сотворил с собой и изменил внешность, — отец отвёл взгляд. — Это хорошо. Я не хочу, чтобы он остался в истории чернокнижником, лжецом и предателем. Как бы оно ни было на самом деле.

Никлас молча положил руку на запястье отца. Это было их общее горе, и они проживали его, сидя рядом друг с другом в полной тишине.

Отречение было назначено на раннее утро, так что Никлас снова спал не больше четырёх часов. Это становилось дурной привычкой, от которой он никак не мог избавиться, причем не то, чтобы по своей воле. Хотелось хотя бы закапать в глаза «Драконьей крови», как делал Рэйнер, но возможности отоспаться потом у него тоже не было. Так что Ник выпил чашку угольно-чёрного кефраша, надеясь, что этого хватит для бодрости, и позволил слугам подготовить себя к церемонии.

Как будущий король, он должен был выглядеть безупречно, даже несмотря на то, что вблизи его увидят только дворяне. А коронация, разумеется, шла сразу следом за отцовским отречением, потому что Даланна не могла себе позволить провести без короля даже несколько дней. Больше всего Никласа огорчало, что Рэй и Коринна всё ещё без сознания после битвы с демоном, и поэтому рядом с ним в этот миг не будет никого, кого он мог бы назвать другом.

Совершенно недостойная слабость, но лгать себе — слабость ещё большая, так что Ник признавал перед собой, что хотел бы видеть этих двоих на церемонии коронации. И ещё больше хотел бы, чтобы их вообще не пришлось подвергать опасности. Хорошо хоть Лантасса уверяла, что оба очнутся, когда восстановятся достаточно, и жизни четы Геллерхольц ничего не угрожает. Никлас с большим трудом представлял, как бы он ждал, пока на его голову нацепят корону, когда немногие близкие люди борются за жизнь в том числе и по его вине.

Но подмога успела к Рэю вовремя, и это немного успокаивало. Как и профессионализм двух женщин-целительниц, которые не покидали постелей больных, дежуря там днём и ночью. Усилием воли, Ник заставил себя вовсе не думать о друзьях, и сосредоточился на том, что нужно сделать. Служанка поднесла к нему зеркало, и он удовлетворённо кивнул: синяков под глазами видно не было, а усталость на дне зрачков вряд ли кто-то рассмотрит из тех, кто на отречение и коронацию прибудет.

С отцом договорились встретиться уже перед храмом. Всё в Даланне нынче так или иначе подчинялось храмам Светлейшего, и все важные события проходили там. Стоило это изменить так быстро, как получится, но пока они просто поставили на место королевского лата своего человека. Точно преданного, и точно не докладывающего обо всем Его Святейшеству. Как же хотелось вцепиться Асмунду в белоснежную бороду и приложить его лицом обо что-нибудь...

Совершенно не королевские желания, да и месть, как сказал бы Чезаре, решительно некуртуазная, но к этому человеку Ник мог испытывать только ненависть, причем такую, что сжигала его изнутри. Сколько горя Первосвященник причинил их семье, сколько боли принёс — сколько ни бей, всё будет мало. Никлас решительно заставил себя не думать об Асмунде, и сел в карету. Утро выдалось морозным, в этот раз осень больше напоминала первый месяц зимы, но это отлично перекликалось с его настроением. Не хватало разве что снега.

Две кареты встретились и, вместе с эскортом, выстроились в процессию, которая занимала всю улицу. Обычно здесь было множество мелких лавочек, и гуляющих зевак, но в честь коронации площадь перед храмом полностью расчистили и огородили, а лошадям, кроме королевских, вовсе запретили приближаться к Единому Храму. Но к аристократам, желающим присутствовать на церемонии, большинство ограничений не относилось, так что из окна кареты Никлас видел множество знакомых лиц, и знал, что все они будут на его коронации.

Отречение считалось трагедией, так что на нём в храме будет только Совет, отец, сам Никлас, и лат Фергус, заменивший сволочного Вистана после того, как того судили за участие в заговоре против правящего рода. Но все эти люди останутся у ворот — и хлынут внутрь,

как только будет объявлена коронация. Никлас видел, что распорядитель церемоний уже стоит перед входом, и ждёт, когда можно будет закрыть двери храма.

Да, без этого напыщенного индюка, папеньки «любимой» Рэйнером Хельги, ни одна церемония не обойдётся, и это Ника тоже совершенно не радовала. Дарэ Кальтербруннен обо-жал свою глуповатую дочурку, и разумом она пошла именно в него. Впрочем, может и зря он так. Со своими обязанностями церемониймейстер уже много лет справлялся великолепно, и никогда не допускал ошибок.

Никлас заставил себя перестать думать и об этом тоже, и вышел из кареты, позволив лакею помочь спуститься. Затем вышел отец, и они дружно кивнули друг другу. А дарэ Торгейр зычным голосом объявил:

— Его Высочество Никлас Алгайский и Его Величество Олдарик Третий Алгайский! Прошу посторониться, и пропустить их в Единый Храм! — стража, стоявшая по обе створки узорчатых позолоченных ворот перед настоящей дверью в храм, многозначительно заступила путь жаждущему знать больше дворянству. Но более явных намёков не понадобилось, и вскоре путь был полностью свободен.

Пока они с отцом шли, специально нанятые по такому случаю барды наигрывали груст-ную мелодию, а миловидная юная девушка высоким голосом пела о подвигах Его Величества. Никлас не вслушивался, но точно мог сказать, что отец не побеждал в одиночку восьмигла-вую мантикору, и не закрывал Даланну куполом от любого зла, потому что таких животных не существует, как и подобной магии. Но кто запретит народу придумывать небылицы?

Парадные доспехи стражников сияли на дневном свете, и слегка слепили глаза, но толпа, на удивление, была молчалива. Кроме игры на лютне, да высокого голоса девушки, Никлас не мог разобрать ни звука. Никто даже не пытался перешёптываться или сплетничать. Должно быть, двор настолько шокировало, что отец и в самом деле отрекается, что ни у кого не осталось слов.

Тем лучше. Никлас приветственно кивнул всем сразу, и сдержанно улыбнулся, следуя за латом Фергусом внутрь храма. И только когда за ними начали закрываться белые тяжёлые двери, он расслышал какие-то шепотки. Впрочем, разобрать их Ник просто не успел. Единый Храм со времен латствования Вистана претерпел изменения. Витражи на окнах были начи-щены до блеска, зато исчезли фрески, украшенные золотом и драгоценными камнями. Скамьи нынче были не из красного дерева, а из доброго дуба, зато выглядели они опрятно и радовали глаз.

А на алтаре больше не было лишних украшений и парчовых скатертей — он сам по себе белым мрамором возвышался в центре храма, а над ним укоризненно смотрела на прихо-жан фигура старца в светлых одеждах. За спиной старца — статуя поменьше, изображавшая девичий силуэт наполовину выточенный из редчайшего черного мрамора, а наполовину — из белого. В храмах попроще это чаще всего была деревянная фигурка, выкрашенная в два цвета, но настолько ронять величие центрального, столичного пристанища Светлейшего Фергус бы не решился.

Если бы на то была воля Ника, он вовсе бы снёс храм с лица Даланны. К сожалению, так просто отречься от религии, которая доминировала в Соцветии больше тысячи лет невоз-можно. Это процесс, которому всячески будут мешать и враги, и бывшие союзники, и Оххрос знает, кто ещё. Но у Даланны нет выбора: либо она отринет Светлейшего, рано или поздно, либо сгинет в глубине веков вместе с Эйлатой. Хорошо, что это понимал отец. И очень хорошо, что он готов сам подписать отречение, и Ник может не переживать, что отца попросту прире-жут.

Пока ещё принц бросил взгляд на без пяти минут низложенного короля. Тот был бледен, руки его дрожали, а на лбу виднелись мелкие бисеринки пота, но на ногах отец стоял твердо, и держал на лице спокойное выражение, даже безмятежное. Маска. Но раз у него есть силы

держат эту маску перед латом Фергусом и Советом Лордов. Входящий в высшие круги аристократии дарэ Таргенмарк хмурился, и почти был готов открыть рот, чтобы высказать какое-то возражение, но так и не решился.

Никлас мысленно усмехнулся. Герхард Таргенмарк, Герхард Седьмой... носители этого имени почему-то были очень против сотрудничества с драконами, да и в принципе политики рода Алга. Только один Герхард был внутри, а другой — снаружи. Никласа это немного забавляло, а вот то, что лат молчит, а отец бледнеет — не радовало совершенно. Ник уже хотел было вмешаться и потребовать начать отречение, но Фергус знал своё дело, и понимал, что церемония неизбежна. Громкий грудной голос лата разнесся по всему храму:

— Здесь, перед лицом Светлейшего из богов, и перед теми смертными, что избраны вести свой народ, помогая королям, мы собрались, чтобы подтвердить отречение от престола Даланны королём Олдариком III, Всемудрейшим Хранителем Венца. Лишь тогда может правящий отойти от своей пожизненной стези, когда таковым решением он спасает свою паству от большего зла. Ваше Величество, как первейший слуга Светлейшего в мире, вы должны перед ним поклясться, что другого выбора не было. Светлейший и Двулучная повернуты к вам своей милосердной стороной, и готовы внимать. Признаёте ли вы, что отрекаетесь, потому что у вас нет другого выбора?

Совет, и вместе с ним сам Никлас, повторили последнюю фразу лата, и на мгновение Нику показалось, что вместо полутора десятка советников её повторяют тысячи и тысячи человек одновременно. Но наваждение быстро исчезло, и принц решил, что просто чрезмерно проникся моментом. Герцог Геллерхольц-старший тоже был здесь, и Ястреб Севера в отличие от остальных лишь шевелил губами, не вплетая своего голоса в общий хор. Интересный способ выказать своё расположение, но Ник надеялся, что это никто не заметил, кроме него.

— Признаю, — ровным спокойным тоном отозвался отец.

Никлас подавил желание вновь растереть виски. Белое с золотом церемониальное одеяние сейчас выглядело на отце мешковатым, и принц предпочёл бы, чтобы родитель больше времени уделил восстановлению после попытки убийства, а не стоял здесь и изображал Правильного Короля из последних сил. К несчастью, выбора ни у одного из них не было, и церемония продолжалась.

— Готовы ли вы назвать причины отречения перед лицом бога и смертных? — Фергус тоже выглядел максимально торжественным, но, в отличие от отца, здоровым и полным сил. И уже поэтому его отчаянно хотелось то ли больно ударить, то ли просто поторопить.

— Да, готов, — кивнул Олдарик. — Я не могу более нести всю возложенную на меня ответственность. Тяжелая болезнь в результате предательства внутри семьи забрала и физические, и магические силы, а такой король не может твердо стоять на страже интересов Даланны. Я стою перед вами — и внимательный взор без труда отличит, что мои руки дрожат, а ноги порой подгибаются. Я не могу больше ни взять в руки меча, ни открыть над вашими головами щит. Всё, что я могу — это говорить. Но мои речи ценнее при полноценном короле. Мне есть в чьи надёжные руки передать Даланну, и я не оставляю её сиротой!

— Если кто-то из присутствующих имеет аргументы против отречения Его Величества Олдарика, он может выступить с ними сейчас, или должен молчать впредь до тех пор, пока всех нас не заберут в Чертоги Светлейшего, — снова ритуальные фразы, но Ник всерьёз опасался, что герцог Таргенмарк решит вмешаться.

К счастью, положенный песок в пустынных часах истёк, а никто не произнёс ни слова. Тогда руки лата Фергуса засветились, и он возложил их на плечи отца:

— Перед лицом богов и смертных, Даланна принимает твоё отречение! Отныне ты — Олдарик фир Даланна, и более головы твоей не коснётся венец царствования, ибо ты сам добровольно от него отказался!

Ник помнил достаточно случаев недобровольных отречений в истории Соцветия, но промолчал. Главное, что отречение не имеет обратной силы, так что он уберег отца от этой тяжкой ноши. И может быть, многочисленные убийцы предпочтут его самого, и оставят, наконец, Олдарика в покое. Разумеется, церемонию они назначали не ради этого, но Ник чувствовал облегчение.

Медленно, словно кто-то немного заморозил время, лат Фергус снял с головы отца золотой цветочный венец, и священная камелия перекечевала в руки церковника. Тот снова заговорил:

— Есть ли в этом храме тот, кого ты полагаешь достойным тяжести хранить этот венец?

— Это мой сын и наследник, Никлас фир Даланна, — чуть тише, чем раньше, ответил отец. Ник с тревогой посмотрел на него, надеясь, что все его распоряжения выполнят в точности. Потому что держаться на ногах дальше отцу не нужно, это могло стоить ему даже жизни. Бывший король был бледен, как полотно, но упрямо покачивался, продолжая проклятушую церемонию.

— Есть ли здесь те, кто возражает против такой кандидатуры?

Ни единого слова, хотя Никлас цинично подумал, что советникам тоже надоело стоять, а ещё не хотелось бы угодить на виселицу.

— Отречение свершилось! Даланне нужен новый король! — наконец-то закончилась невероятно длинная церемония, и Герхард Таргенмарк лично поднес бывшему Величеству свиток, где тот официально признавал свой полный отказ от прав на трон. Отец мазнул по нему усталым взглядом, и расписался любезно предоставленным пером. Даже сейчас он умудрился не пролить ни капли чернил. А дарэ Кательбруннен, помня о распоряжениях самого Никласа, вышел к воротам, открыл их, и громко произнёс:

— Объявляется коронация Никласа фир Даланна, претендента на титул Хранителя Венца, и будущего носителя золотой камелии!

Как только он это сделал, в храм хлынула огромная толпа. Все в ней имели хотя бы маломальский титул, но по сравнению с тем, как было на отречении, Никлас чувствовал, будто задыхается в этой толпе. Впрочем, одно его обрадовало: его распоряжения выполняли чётко, так что отец уже сидел в первых рядах деревянных скамей вместе с советом, по центру ближайшей к алтарю скамьи, а всех остальных вежливо рассаживали по местам распорядитель и стража.

Обычно коронации были и пышнее, и красивее, а хорошим тоном считалось приглашать на них иностранных послов. Но у Даланны не было времени на то, чтобы красоваться. Они и так задержали и отречение, и коронацию, надеясь сначала остановить Стефана, а потом уже влезть в неизбежный крупный политический конфликт. Дай Матерь-Монна, он не перетечёт в военный. Изрядную часть армии Даланны придётся отправить прочь вместе с Чезаре, чтобы успокоить горняков.

Да, остроухий пройдоха действительно помог с заговором, как и обещал. Приложил все усилия, и благодаря ему Стефан больше не сможет творить зло. И да, именно руками Чезаре был заключен союз с драконами, которые, конечно, не станут отправлять свою армию в Нетталу — у них и армии в привычном понимании нынче не было. Этому Ник ничуть не удивлялся: к чему армия, когда твои поданные в основном огромные чешуйчатые ящеры с человеческой ипостасью? Но как же не вовремя они останутся без преданных воинов...

Ни на минуту голову Никласа не покидали мысли обо всех проблемах, что терзали Даланну. Так и должно быть у того, кто готов принять на свою голову венец, увенчанный золотой камелией? Принц не знал ответа на свои вопросы, но дождался, пока все зрители рассядутся по местам, и замер перед латом Фергусом в ожидании. Когда этот золотой обруч с листьями и цветком окажется на голове Никласа, все люди в белых балахонах со временем

пожалуют, что это случилось. Может, не в этот год, и не через десять лет, но он сбросит латские ладони с горла Даланны.

Не ведавший про его кровожадные мысли лат напустил в голос побольше торжественности и произнёс:

— Сегодня очередная страница истории Даланны переворачивается, и её заглавием становится Его Величество Никлас Пятый, которому лишь предстоит заслужить иные прозвания, кроме Хранителя Венца. Волею Светлейшего и тени Его Двулучной, а также волею народа благородного и народа простого, мы позволяем ему ступить на длинный и тернистый путь правителя государства Даланнского. Да не оскудеет его рука для тех, кто нуждается в помощи. Да не устанет его меч карать врагов за злодеяния. Да породит его плоть сильных наследников, чтобы было кому принять венец из его слабеющих рук, когда придёт его черед отправлять в Чертоги Светлейшего! Мы приветствуем Никласа Пятого пред лицом божества, и если путь его не праведен, то в него сей же час ударит молния. А если сердце его полно любви к Даланне, то прежде, чем мы возложим на его голову Золотую Камелию, он ответит нам и успокоит нас!

Хотелось поторопить священника, но Никлас знал, что это бесполезно и вызовет ропот, так что нацепил на лицо маску спокойного торжества, и смотрел прямо перед собой, время от времени ловя взглядом сгорбленную фигуру отца. Яд подточил Олдарика, и чудом было уже то, что Лантасса восстановила его разум. Не до конца, но... это больше, чем сумел бы сделать кто угодн другой. А Фергюс продолжал, уже задавая традиционные церемониальные вопросы:

— Клянетесь ли вы, Никлас Пятый, до последнего вдоха хранить Даланну как величайшую ценность в вашей жизни?

— Клянусь, — уверенно отозвался Никлас, зная, что двор не простит ему и тени сомнения.

— Клянетесь ли пожертвовать всем, даже жизнью, если это принесёт Даланне процветание, а её народу — лучшую жизнь?

— Клянусь, — хотя на это хотелось мысленно усмехнуться. Разве любой король жертвовал чем-то во имя своей страны? Право, это всего лишь красивые слова. Для многих, уж точно.

— Клянетесь ли вести Даланну сквозь мрак к свету, даже если между вами встанет невежество, как вел и ведёт Светлейший Двулучную?

— Клянусь! — о, в этом он клялся очень искренне. Правда, понимание света у латов и у него несколько отличались, но это уже нюансы. Некоторые дворяне из первых рядов сдерживали усмешки.

— Ваш народ пойдёт за вами, Ваше Величество Никлас Пятый, Хранитель Венца. И вы — не подведёте его, и не посрамите своих славных предков, что смотрят за вами из чертогов Светлейшего! — на трубах заиграли торжественную мелодию барды, и Фергус медленно надел на голову Никласа корону.

Назад пути не было. Королём Даланны отныне был он, и все проблемы, что на неё свалились, отныне были его не только по совести, но и по букве закона.

Глава 6

Найлара

Продолжать полёт было страшно. Я десять раз пожалела, что решила поступить, как велят традиции, а не шагнула в теневой портал безо всякого эскорта. Останавливала моё самоубийство лишь тревожная мысль о том, что тогда Эреллин и Саамах могли так и остаться спящими агентами. Или того хуже, попытаться учинить резню во дворце или в столице. Тогда не миновать жертв среди подданных Империи, а то и среди домочадцев...

Нет, лучше уж так. По крайней мере, от их когтей и чар не пали невинные. С другой стороны, если подобные агенты успешно изображали нормальных драконов, пока летели со мной, то кто знает, есть ли они во дворце? Как только я хотя бы немного отдохну, нужно обязательно связаться с семьёй и предупредить их! Но пока я даже не встретила со своим дорогим женихом, чтоб ему пусто было, так что об отдыхе и связи через зеркало можно было лишь мечтать. Умеют ли даланцы вообще зачаровывать зеркала на связь? Одно маленькое зеркальце у меня было с собой, конечно, да и Таэрен увлекался зеркальной магией, но хотелось бы, чтобы умели.

Пока я пыталась придумать, как и когда буду докладывать отцу, выжившая часть отряда самоорганизовалась, и проверяла, у кого какие повреждения. И, конечно, Таэрен в первую очередь пристал ко мне:

— Ваше императорское высочество, вы обожгли крыло лучом дезинтеграции. Вам повезло, что нежить попала не в голову и не в сердце, и вы не были на тот момент сильно ранены, иначе мы бы с вами не разговаривали. Но теперь я должен это вылечить, раз уж не сумел предотвратить.

Крыло пульсировало болью, но летать мне это не мешало, так что я планировала оставить всё как есть до Даланны. Собиралась было так и ответить, но внезапно серьёзный Таэрен опередил меня:

— Мы не знаем, какие ещё ловушки нам готовит полёт, Най. А если ещё какая-то нежить в тебя всё-таки попадёт? У тебя самые серьёзные повреждения в отряде, будь добра, поступай по протоколу.

В этот момент он мне остро напомнил свою матушку, и я наконец поверила, что Лантасса не зря гордится сыном. Его образ улыбчивого шута — просто маска, а я... порой слишком сильно в неё верю. Не стала ничего говорить, просто кивнула, перекинулась в дракона и встала перед крохотной по сравнению с телом рептилии фигуркой человеческой ипостаси Таэрна. Тот без видимого труда ступил в воздух, и завис там прямо рядом с моим крылом. От его рук распространилась золотисто-зелёная магия, и там, где до этого была острая боль, начало медленно разливаться тепло.

Младший Алькарро полностью унаследовал таланты матери, если не превзошёл их. Ему понадобилось всего несколько минут, прежде чем крыло полностью очистилось от последствий дезинтеграционных чар, и я с удивлением осознала, что боль мне на самом деле очень мешала. Даже как будто усиливала тревогу за наше будущее. Я вернулась в человеческий облик, потому что так проще было с ним говорить:

— Спасибо, Таэрен. Ты был прав, я даже не думала, насколько это серьёзные повреждения.

Медный дракон закатил глаза:

— Ты никогда не думаешь, просто бросаешься кого-то спасать и ловишь ранения. Тебе стоило родиться в семье боевиков, а не в императорской, — ворчал он тоже редко, и до меня начало доходить, что Таэрен... за меня волновался? Это неожиданное открытие нужно было ещё переварить.

— В любом случае, благодарю тебя. Как остальные? Кому-то ещё требуется срочное лечение? — постаралась перевести тему, потому что его беспокойство меня смущало.

— Мне понадобится ещё час, чтобы мы могли лететь дальше, — лаконично отозвался Таэрн, но затем продолжил доклад. — Все выжили, кроме захваченных, аномальная активность спала, и тревожности на фоне больше никто не ощущает. Полагаю, что нужно предупредить столицу о спящих агентах такого типа, скорее всего их было больше, просто наш враг не рассчитал, кого именно ты с собой возьмёшь. Это больше похоже на магическое программирование некоего спящего демонического вируса, чем на что-то ещё. Скорее всего, Эреллин и Саамах оставались собой до последнего, а потом это нечто убило их и заняло тела. Я доложу Его Императорскому Величеству, и скажу, когда можно отправляться дальше. А ты — поспи. И поверь мне, если бы тут были твои родители, это был бы приказ.

Я только вздохнула. Когда он успел вообще провести такой объемный анализ? И откуда у него столько сил, чтобы и лечить других, и докладывать? Начинала подозревать, что этого медного на самом деле попросили отправиться со мной родители, больно много у него было инструкций. А ещё я склонна была согласиться с гипотезой о том, что враг собирался отправить с нами больше двух «агентов», а значит они всё ещё где-то «спят».

— Спасибо. Ты прав, — не стала спорить, хотя вряд ли я смогу заснуть. По крайней мере, теперь наличие Таэрна в отряде не вызывало у меня таких сомнений. Он был полезен и в бою, и, как выяснилось, после. Если он ещё и как дипломат окажется неплох, я перестану называть его медным шутком...

Но пока просто попробовала действительно подремать на земле хоть полчаса. Осень в Карнидейле пока ещё радовала теплом, но я знала, что это ненадолго. К тому же, дальше на север скорее всего уже было холоднее, а нам именно туда, вглубь. Я знала даже, почему так. Гаваням Карнидейла повезло с тёплыми морскими течениями, идущими с юга. Но зачем сейчас вспоминать географию, я не могла честно ответить даже себе.

В конце концов и правда ненадолго задремала, но это не принесло желаемого облегчения, и показалось, словно я только-только закрыла глаза и вот уже надо их открывать:

— Вылетаем, — как-то очень легко распорядился Таэрн. — Я предупредил императора, будет масштабная проверка силами тайной полиции. Если симптомы такой одержимости всегда одинаковые, то Крылья Императора найдут заражённых.

— Значит, вылетаем, — согласилась.

Как ни крути, а это очень сильно облегчает жизнь, когда есть кто-то, способный взять часть твоей работы на себя и выполнить её хорошо. Но лететь в Даланну всё равно не хотелось. Очень уж мне не нравилось, что началось одновременно с этим союзом. Мог ли мой новоявленный жених быть замешан в судьбе Эреллина и Саамаха?..

Нам повезло, и больше препятствий на пути к Даланне не встретилось. Даже карнидейлские стражи границ не попались, что говорило либо о том, что они плохо выполняют свою работу, либо о том, что мы хороши в маскировке и хорошо знаем местность. И я, сказать по правде, склонялась к первому варианту.

С каждым часом полёта становилось всё холоднее, и, хотя горячая драконья кровь это компенсировала, держаться на высоте всё равно было неудобно. Хотелось скорее в тепло, и просто отдохнуть. Но меня ждала своего рода битва, а ещё ненависть даланнского народа и куча работы.

Будущего мужа и его эскорт я подметила на подлёте. Они ждали нас на широком мосту через Летяницу, одну из крупнейших рек Даланны. Как минимум десяток карет, запряженных боевыми лошадьми. Хмурые лица будущих подданных мне ожидаемо не понравились, но на реке гулял промозглый ветер, так что, возможно, они были такими просто из-за погоды.

Как ни странно, Его Величество — или Высочество, успел ли он наконец короноваться за время моего полёта? — я заметила первым. Он единственный вместо того, чтобы восседать на лошади, стоял рядом с нею, и, судя по артикуляции губ, что-то ей говорил. Может быть и

шептал — этого на таком расстоянии не мог разобрать даже драконий слух. Ничего его и не выделяло, обычные для даланнца каштановые волосы, только длиннее привычного, но...

Его лицо показалось мне удивительно красивым. Про таких говорят «порочная красота», и у нас бы обязательно шутили, что принц Никлас выбрал себе не ту профессию, и ему стоило бы избрать стезю актёра эротических театральных постановок. Не то, чтобы престолонаследники могли что-то выбирать, конечно, но шутили бы обязательно. В Даланне, боюсь, такое сравнение оскорбительно.

Никлас меня тоже заметил. И, что удивительно — узнал! И даже каким-то магическим образом умудрился поймать мой взгляд прямо в воздухе. В ответном взгляде я читала удивление, восхищение, какой-то детский восторг, и что-то ещё, чего не смогла разобрать. Так и спускалась вниз перед ними как дурочка, глядя в глаза нареченному мне даланнцу.

Захотелось покрасоваться, и перед тем, как я приземлилась во главе своего отряда, навернула несколько кругов перед даланнцами, и сделала сальто, и только после этого спланировала вниз, вернувшись в более привычный для них облик. Некстати подумалось, что это нашу одежду всю зачаровывают, чтобы она не рвалась при обороте. Придётся заказывать новые наряды в Империи? Чешуя Оххроса, какие глупости лезут в голову!

Никлас тут же подошёл ко мне и поклонился как равной, а потом взял мою руку и едва коснулся запястья губами. Я не была неопытной в любовных делах, я же не даланнка, но... всё равно щёки окрасил румянец, а взгляд захотелось отвести. У нас мне бы просто пожали руку, здесь, очевидно, приветствия для дайнов и дайнеке отличались.

— Никлас Пятый, к вашим услугам. Рад приветствовать вас в Даланне, прекраснейшая из виденных мною женщин! — он приветливо улыбнулся, а я едва не зарычала. Я что, статуэтка, чтобы оценивать меня таким вульгарным образом? — Вы наверняка устали с дороги, поэтому я предлагаю перейти к формальностям уже после того, как вы и ваши драконы обустроитесь в своих покоях и отдохнёте. На завтра назначен пир в честь нашей помолвки, но сегодня — всё только для вас.

Захотелось уколоть его в ответ, хотя я подозревала, он просто не очень понимал, что для меня значат его слова. Но всё же не стала отказывать себе в удовольствии:

— Её Высочество, дайнеке Найлареннира Одалика Илларио Моралес, как вы уже поняли, — улыбнулась ему очень вежливо. — Что ж, значит, вас уже можно поздравить наконец-то свершившейся коронацией, и теперь у Даланны есть сильный официальный правитель?

По лицу Никласа пробежала тень, и я поняла, что укол попал в цель. Релан успел мне рассказать, что это высочество приняло трон только потому, что его отец серьезно пострадал, и даже отрекся от престола в пользу сына в итоге. В Соцветии отречения очень не приветствовала церковь Светлейшего, считая, что покидать эту работу можно только со сложенными крыльями. Не было у короля власти над своей жизнью, ни в рождении, ни в смерти, и, если он не хотел этим заниматься — это его проблемы. Как по мне, на редкость опасная система, ведущая страны в пропасть, но, полагаю, латам это попросту выгодно.

— Да, коронация состоялась, — ровным тоном ответил мне Никлас. — Прошу, слуги проводят вас в ваши покои. До того, как мы с вами поженемся, спальни обязательно раздельные, после — на ваше усмотрение, я приму любой выбор.

— И вы даже не хотите ничего у меня спросить? — подняла бровь. — Я имею ввиду, помимо конфигурации спален, хоть я и не вижу никакого смысла их сакрализировать. Поверьте мне, обнажённые мужчины всех рас выглядят примерно одинаково, если, конечно, они не драконы, — тонко улыбнулась, наслаждаясь тем, как бледнеет его лицо.

Если ты думал, милый, что я буду изображать кроткую дурочку, которая не в курсе, что под одеждой у мужчин живая плоть — зря. Надо отдать ему должное, Никлас сдержался:

— Ваше Высочество, Найлара... я настаиваю на том, чтобы вы учитывали разницу наших с вами культур. В Даланне не принято обсуждать подобные вопросы публично.

— Это вы подняли вопрос спален, не я, — посмотрела на него невинно.

— Я понял, впредь этот вопрос я переадресую вашим служанкам, — я видела, как тонкие пальцы молодого короля терзают манжеты камзола, но он очень старался оставаться невозмутимым. — Я не готов обсуждать серьёзные вопросы, когда вы только прибыли с дороги. К тому же, моя разведка докладывала, что на вас напали на подлёте к Карнидейлу, видели даже зеленые лучи, летающие в воздухе... я надеюсь, это не то, о чём я думаю?

Вот, значит, как? Он успел наладить разведку, только-только ступив на путь короля? Или она и раньше у него была, просто здесь, в кои-то веки, справилась со своими обязанностями? Всё это мне нужно было изучить, но в одном Никлас был прав: не сейчас и не публично.

— А вот эти вопросы публично не хочу обсуждать уже я, — снова очень вежливо улыбнулась. — В отличие от конфигурации спален, эта информация может навредить, мне или вам. Я расскажу позже.

— Как вам будет угодно, но не затягивайте с этим, — кивнул Никлас.

Затем он... подвёл ко мне ту лошадку, с которой до этого разговаривал, и произнёс:

— Вероятно, после такого долгого полёта вы устали. Я могу предложить вам спину Идали, обьеженной ортанской лошадки, которую привезли специально для вас. Она не боится ни драконьего запаха, ни магии. А могу приказать подать карету. Как вы предпочтёте, Найлареннира Одалика? — он даже умудрился произнести моё полное имя без запинки, что для даланнца было почти подвигом. Но лошадь? Мне? И что мне делать с этим экзотическим домашним животным, интересно? Их выводят, чтобы нести за собой кареты, а не нести на своих спинах драконов. Впрочем, не мне его учить.

Ответила вежливо:

— Благодарю за подарок, но я предпочту карету.

Никлас только кивнул, и лично проводил меня и моих драконов по местам. Полагаю, от его взгляда не укрылось и то, что сопровождающих в моём эскорте было на двух драконов меньше, чем мы оговаривали перед моим прибытием, но он ничего не спросил. Снова решил, что это подождёт? Или попытается поговорить с Таэрном? Выводы делать рано, поэтому я проследовала на своё место, мимолётно оценив вполне комфортабельную большую карету. Правда, чрезмерно позолоченную, что странно смотрелось на голубоватой ткани, но возможно это просто попытка намекнуть на мою драконью сущность.

Каюсь, я не рассматривала Даланну, и не всматривалась в любопытную толпу, которая сопровождала нас на отдалении, пока мы следовали в столицу. Догадываюсь, что именно ради того, чтобы горожане успели полюбоваться хотя бы на кареты господ, мы и тащились так медленно, но меня это раздражало, так что я затянула портьеру и задремала. Даже если это уронит моё королевское реноме в глазах даланнцев — пусть их. Не последнее моё решение, которое им не понравится.

Сил изображать из себя что-то не было, как и желания. Да и я всё ещё крутила в голове, как буду связываться с родными Эреллина и Саамаха... это должна сделать я, тут Таэрну ничего не поручить. Они отправили своих сыновей на совершенно безопасную миссию, а не получают в ответ даже пепла, который можно будет развеять над родной землёй. И в этом виновата я. Не первая смерть на моём счету, но каждая оставляет на душе очередной шрам, рассекая её тонкой линией. Сколько таких насечек ещё будет? И сколько я выдержу?

Наконец, кареты остановились, и мою вновь открыл Его Величество лично:

— Я выполнил все ваши просьбы касательно состояния ваших покоев, Найлара. И хотел бы проводить вас лично и всё показать. Это приемлемо?

Я протянула ему руку, позволяя помочь мне выбраться из кареты.

— Да, благодарю вас.

Вышла, посмотрела на средних размеров потрёпанный замок, который показался мне маленьким, неудобным, и каким-то серым. Постаралась не показывать своё разочарование:

таких «замков» в моём родном могло уместиться штук восемь, и это без учёта подвалов. Впрочем, Релан упоминал, что здесь свои подвалы тоже есть, и они довольно глубоки. Но я сомневалась, что Катакомбы под Троном уступают местному подзаброшенному каменному подвалу. И здесь мне предстоит жить? И этот человек утверждает, будто выполнил мои требования? Ну что ж, посмотрим...

Никлас то ли в самом деле не заметил моего недовольства, то ли талантливо делал вид, что ничего не замечает. Взял за руку, и я поймала себя на том, что мне нравится, когда этот человек меня касается. От его рук становилось немного спокойнее. Определенно, если бы он попал в Империю в качестве дипломата или даже как принц, я была бы не против увидеть его в своей постели. Но здесь и сейчас даланнская неотвратимость несколько раздражала, и потому руку хотелось вырвать.

Разумеется, я не стала этого делать, и даже честно улыбалась всем, мимо кого мы проходили. Никлас представлял мне слуг, придворных, аристократов — я запоминала их имена, улыбалась, кивала, и ждала, пока он наконец доведёт меня до обещанных покоев. И попытка кончилась как-то внезапно. Мы прошли вверх по лестнице в башню и замерли перед синей с серебром дверью, чьи размеры удручали меня несколько меньше, чем размеры всего остального замка.

— Мне стоит прислать вам служанок, или?.. — он не договорил, и не открыл двери, что показалось мне странным, но я не стала это комментировать.

— В человеке, который будет меня одевать, я не нуждаюсь. А для остального у меня есть Ландалла, она боевая драконица, конечно, но с обязанностями личной служанки тоже справляется прекрасно. Но я буду благодарна, если ей в помощь временно выдадут кого-то, кто хорошо ориентируется здесь.

Никлас кивнул, и, наконец, открыл дверь:

— Перестроить часть замка полностью ради вас у меня возможности нет, поэтому я приказал сделать эту башню. Надеюсь, она вам понравится, — он слабо улыбнулся, и я вошла.

Ну, что же, с цветами он угадал. Я любила и зелёный, и небесно-голубой, так что задрапированные голубой тканью стены и зелёный балдахин меня, в целом, устроили. Но зачем столько мебели, к тому же, деревянной? Я открыла было рот, пытаясь возразить против этой типично даланнской захламленности пространства, но вдруг увидела то, что вызвало у меня острое желание разбить о голову Никласа вазу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.